

Миклавчич В.Н.

Очерки об известных незрячих людях - жителях Самарской области

Оглавление

Про шахматы, стихи и про любовь	3
18 кг медалей. Толковые будни Андрея Букова	9
Тысячи дорог Геннадия Голованова	19
Демасова	24
Дорофеевская лыжня	32
Под созвездием Пушкина	42
От преодоления к победам или принципы диалектики	50

Про шахматы, стихи и про любовь

Встреча

1994 год. Пятигорск. Санаторий «Машук». Фойе, забитое отдыхающими. Телевизор, к экрану которого пристыли десятки пар глаз. Очередная серия нашумевшей и полюбившейся в стране «Санта-Барбары» собрала своих поклонников, и – вот ведь интрига где! – завязался ещё один любовный сюжет. Они разговорились, сначала обсуждая фильм, потом – о шахматах. Оказалось, что Люба тоже играет в древнюю игру, затем – вроде ни о чём, но сейчас таком важном...

И вот по аллее, утопающей в нависшей зелени, с клумбами, лавочками, беседками вдоль, гуляла пара – молодые люди разговаривали, но над ними уже вовсю кружила, вязала свои небесные тенета судьба, общая, одна на двоих, любовь – большая, искренняя...

Любовь нечаянно нагрянет,

Когда её совсем не ждёшь...

Не соглашусь с автором: все, особенно в молодости, втайне ждут любви, даже если не признаются себе в этом. А о том, что нечаянно – в точку! И Любовь, да.

Александр приехал в «Машук» сопровождающим, хотя и у самого путёвка была после операции, Любовь сопровождала отца. Аллея уже была и просто ждала, а «Санта-Барбара», сплетённая из интриг и коллизий, просто свела молодых людей в одном месте, просто явилась поводом для разговора, ведь на небесах давно всё уже было написано. Просто.

Любовь может пахнуть морем или ванильной выпечкой с корицей, высокогорным ледником или ядрёным чесноком, струганым деревом или городским тротуаром, в котором сливаются запах плитки под ногами, вьющийся аромат духов, подточенный парами бензина от автодороги и взбодрённый ярким духом кофе из ближайшей кофейни, неважно, лишь бы чувства – наотмашь, недоверие – в дверь вон, верность – не долг, а естество, суть, кровь, искренность – без оглядки и прагматики, иначе она не искренность. И было так.

Александр

Александр Блоховцов родился в 1966 году, в Чечено-Ингушской АССР, в городе Аргун. Любовь, в девичестве Клименко, в 1973-м, в Самаре. Оба – с болезнями органов зрения, оба – с непростыми судьбами, с не самым радужным детством, но крепкие, сильные, прокалённые, напористые, он – кавказским горным и гордым духом, она – воспитанием мужественного, не признающего слабости незрячего отца.

Мир открывается тем, кто открывает в него дверь.

Блоховцов десять лет, с 1973-го по 1983-й, учился в республиканской школе-интернате для слепых и слабовидящих детей в Грозном. С самого детства увлёкся шашками и шахматами: у него получалось, получалось «видеть» поле, чувствовать игру, предвосхищать ходы соперника. Не сразу, конечно, с опытом, когда участвовал уже в школьные годы в республиканских первенствах и чемпионатах. И эта отроческая увлечённость прошла через всю жизнь.

Нет, конечно, и на улице бегал с младшим братом – тот всего на полтора года не догонял, поэтому общие интересы стирают незначительную разницу в возрасте. Кстати, братьев у Александра было четверо. «Двое от одной жены отца, двое – от другой. Мама умерла рано. Я жил с мачехами. Пока старшие были на работе или учёбе, я с младшим сидел, водил в садик, готовил еду», - вспоминает Блоховцов.

Говорит ровно, спокойно, но понятно: даже то, что время лечит, остаётся рубцами на душе.

Шашки и шахматы были не только радостью для сердца, пищей для ума, но и спасительной тенью в зной, тёплым дыханием в лютые холода жёстких событий жизни. Играл с ровесниками и со взрослыми на улице, чаще всего шахматно-шашечные баталии проходили с приятелем по интернату Русланом Драгановым – сейчас он чемпион Хакасии и России в командном зачете в спорте слепых.

Однажды он и его соперник (это был другой мальчик) набрали одинаковое количество очков – им предложили турнир, в котором Саша одержал победу со счетом 2:00 со счетом 2:0.

Пытливость, интерес к игре, работа над ошибками и изучение её возможностей привели к тому, что в 1983 году в Новочеркасске он занимает 3-е место в личном зачёте, а команда – 4-е. В 1985 году Блоховцов выполняет 1 разряд по шашкам, в 1987 – встаёт на пьедестал: он – чемпион республики по шахматам среди слепых и в копилке – 1 разряд. А в 1993-м – 2 разряд по шахматам. Но будет и такое: 2007 год – 1 место в Чапаевске среди *зрячих!*

Александр рассказывает секреты тренировок: «Тренер учил нас размышлять, не передвигая шашки, и делать в уме многоходовки до победного результата. Давал задачи, и мы их решали таким способом. К сожалению, разногласия, ссора с тренером вынудили расстаться».

И когда ему исполнилось двадцать четыре года, он переезжает из Чечни в город Новошахтинск Ростовской области. Родители уже осели там чуть раньше. Четыре года он живет и играет на новом месте, становится чемпионом Новошахтинска среди незрячих и слабовидящих по шахматам.

Уехал он незадолго до развития грозных, трагичных событий на малой родине и, глубоко потрясённый, очень тяжело переживал. В прошлом году семейство Блоховцовых ездило в Чечню к однокласснику и старому другу Александра, с которым общение продолжается в чате и сегодня. Приняли хорошо, время провели замечательно, душевно: детство, отрочество и юность, прошедшие здесь, словно вспыхнули, ожили в памяти живо, ярко, с щемящей данью, благодарственным подношением к алтарю своего рождения. И порадовал, расправивший крылья, воспаривший современный и красивый Грозный.

Потом 90-е и переезд в Самару. Но сначала – санаторий «Машук», где Александр встречает Любу. «Я сразу и с Любой познакомился, и с отцом», - проживает далекое Блоховцов. И в Самару приезжает именно к ней. Устраивается на завод «Самараавтожгут» электромонтажником-схемщиком, а селится в общежитие. Люба делает из комнаты коммунальные клетки, и молодые люди живут как соседи, а уж позже...

В 1995-м - женятся. Блоховцов на время оставляет шахматы: семья, дети... Их будет трое. Старшему Сергею сегодня двадцать восемь, дочери Алёне – двадцать шесть, младший Дмитрий отпраздновал своё совершеннолетие. Александр в 2008 снова вернулся к спорту, любимой игре и состязаниям. Так, в Костроме играл за Самару, где команда взяла четвёртое почётное место. Будет неоднократным чемпионом Самары и по шашкам, и по шахматам, а теперь ещё и судит соревнования, имея 3-ю судейскую категорию.

Любовь уважает и почитает мужа, как принято на Кавказе, как устанавливал древнерусский «Домострой» и чего крайне мало в современной семье. Муж решил, что семья должна жить в отдельной квартире – и переехали в Чапаевск. Ей здесь понравилось: «В маленьком городе – люди хорошие. Тепло с ними, интересно. Самара 90-х – жесткая атмосфера, на улицу-то выходить не хотелось. А тут – закружилось в тёплом и спокойном».

«Теперь буду знать, где тут по близости хороший кофе, - сказала Люба. Мы сидели в «Лаврушке», чистеньком, вполне уютном кафе, и беседовали. – Сашу вернул в городскую шахматную тусовку Юрий Михайлович Катков. Саша заиграл, и – чемпион города. Тренером работал в Безенчуке. Сократили из-за отсутствия категории. Он не имел права присваивать спортивные разряды. Хотя у

него ученики были, которые становились чемпионами Чапаевска. Сейчас уехал на судейский семинар».

Почему-то его спортивные разряды и категории, выполненные в Чечне, аннулировали. Пришлось начинать всё с нуля: Александр снова дошёл до кандидата в мастера спорта, открыл судейские категории. Тогда Блоховцов вошёл в сборную России, завоёвывал бронзу и серебро. В 2019-м – бронзовый призёр России по блицу.

Я ждал, когда Александр вернётся с семинара из Костромы, чтобы поговорить. Разговор состоялся, и не один. «Собираюсь в местный шахматный клуб, поделиться новостями и той информацией, которую нам дали на семинаре. Я вообще считаю, что надо помогать людям, по возможности, стараюсь не отказывать в просьбах о помощи», – в голосе его те нотки, на которые оглядывается жизнь.

Нечасто, согласитесь, встречается сегодня, в век денежного прагматизма и хождения по головам, осознанное желание таких поступков. А ещё Александр Блоховцов впитал с крепостью кавказских гор и самим воздухом мужское достоинство, упорство и горячий темперамент. Жена Люба уважительно говорит о муже: «Да, это мы привезли с Кавказа. Он просить не умеет, никогда никого не просил, чтобы личную выгоду получить».

Как любой здравомыслящий, порядочный человек, он не любит обман, терпеть не может войны и со страданием хочет, посылает в пространство то, чтобы их на земле было меньше, но как любой здравомыслящий человек понимает, что «зло, вражда, мошенники и войны, к сожалению, живучи, как вирус».

Он живёт мирно, от семьи к спорту, от спорта к семье, в игре – вдумчив, но как спортсмен – азартен, дома – он отец и муж, стремится сохранить основы и ценности семьи, в которой для него важно здоровье близких и тёплые отношения.

Александр никогда, по его словам, не впадал в отчаяние, хотя апатия, безразличие ко всему случались. Но ведь с этим можно и нужно справляться, и Блоховцову это удаётся.

Любовь

Её тонкая натура, мир переживаний, взгляд на происходящее проступают из стихов, которые сейчас Люба, к сожалению, пишет всё реже.

Жизнь текла размеренно, без затей,

Всё, как было в юности суждено...

Лишь боялась серых ненастных дней,

А теперь открытым держу окно,

И люблю событий водоворот,

И смеюсь усталости вопреки.

Я не знала раньше, что жизнь пройдёт,

А теперь ночами пишу стихи.

Не литературоведческий анализ, нет, - событийный ряд, силуэты затекстового бытия и неслучайность сюжета, который обрушивается и обрушивает внезапными открытиями тайных движений души, а образы и их тени точны, сочны, при всей воздушности, как от плоти земли. И

веришь. Чувствуешь. Сопереживаешь. Но и когда совсем просто, наша героиня и автор строчек, как на ладошке у вечности. Главное не в этом – в мироощущении.

Где найти слова,

чтобы объяснить:

Кругом голова,

Хочется любить,

Хочется мечтать,

Как в шестнадцать лет...

Детство. «У меня его не было. Пять операций за шесть лет. Плюс подготовка и отходняк. Меня оберегали, отправляли в деревню, чтобы с моими глазами ничего не случилось. Я с 6 лет читала книги по Брайлю. Как-то приехал папа, а я ему с порога из «Братской ГЭС» Евтушенко»:

И какое я право имела

Веру в жизнь потерять, как впотьмах,

Если люди, кайля онемело,

Не теряли её в лагерях...

Папа опал. Он был честным коммунистом. Взятся тут же воспитывать меня: «Дети в первом классе не читают таких книжек!» У него было два образования: музыкальное и филологическое.

Как-то, Люба, будучи маленькой, ехала в автобусе. Тогда советский общественный транспорт, развозивший народ на целёхонькие ещё заводы и фабрики, в бесчисленные НИИ, базы, вузы, брали штурмом. Из-за давки девочка выпала из автобуса. Понятно, ушиблась и испугалась. Плакала. Пришла домой. Первая фраза папы: «Не ной. Маме не скажем. А ты – забудь». И кофе ей. Чем хуже настроение, тем чаще кофе. От депрессии. «С детства поил меня кофе. Я и сейчас его люблю», – голос Любы ровный, не отражает ямки и горки прожитого. На столе – кофе с яблочными слойками, над столом – дух вкусного и образы прожитого.

И добавила: «Меня в детстве так прокачали, что отчаяние, уныние или депрессия – не моё. У нас в доме считали, что депрессия что-то очень стыдное, вроде пьянства. Я папу никогда не видела в депрессии».

Мы впитывали терпкую горчинку из маленьких чашек, вспоминали истории из своих жизней, весёлые и без горчинки, читали друг другу стихи и стихийно меняли темы разговора. Выглядело это так:

– Когда заканчивала филфак, муж сказал: «Ты, конечно, доучивайся, но женщине это не нужно». Он считал, что детей должно быть много, трое как минимум. И то, что у нас трое – это его видение семьи. И моё, конечно.

– Вы говорили, что познакомились с Сашей в санатории «Машук». Как это было?

– «Машук»? Он молодой, светло-русый, кучерявый. Вот и всё.

– Папа принял будущего зятя сразу?

– Да. Из крепких папиных рук – в крепкие мужа.

– Что для вас самое важное в жизни?

– Для меня самое важное, чтобы всегда рядом были люди, которым я нужна. Если такого не происходит – пустота, не в своей тарелке, будто не живёшь.

Вспоминаю строчки из её стихотворения, которое читал накануне, перед встречей:

...как мне много лет

И как наивно мало.

И тут же, как в потоке сознания, слова Валентины Викторовны Тюгашовой, директора областной библиотеки для слепых: «Люба – огонёк, точнее – факел. Сколько она делает для людей!.. Решает их проблемы, облегчает им жизнь, задаёт тон и поднимает настроение, то есть даёт уверенность и силу преодолевать трудности и принимать мир, в котором живём».

И всё сошлось, пазл сложился, образ ожил, когда карандашный абрис, силуэт наполняется красками, объёмом, пульсом и дыханием: опыт трудной жизни и юношеские вера в добро, горение его творить, искреннее желание помогать; прорывы в реалиях жёсткой жизни с недугом и редкое ныне романтическое (не идеалистическое, нет!), с любованием принятие такой малой данности, как хорошая погода, вкусный кофе или акварель весны, не утраченное с уходом детства умение радоваться мелочам! Это Люба Блоховцова. Штрихи к портрету.

– Папа был для меня всем. Он сделал меня такой, какая я есть. Он был очень энергичный, много работал, знал, что хочет, жизнелюбивый. Папа лет восемь вёл программу на радио «Голос Самары» «Музыкальный сундучок». И ансамбль был у него «Прялица». На 116 км. Работал в нём почти до самой своей смерти: проблемы с сердцем, в семьдесят два умер. С 1973 года по 1988-й был заместителем директора предприятия №2 в системе ВОС.

Как она говорит: «У меня три жизни. Книжная девочка. Девочка, которая мечтала стать археологом, но мне популярно объяснили, что слепой в этой профессии делать нечего. Оставалась одна надежда, что в цифровую эру можно было бы что-то придумать, но, увы. Тогда я решила стать учителем истории. Но папа...»

Папа, ИМЯРЕК Клименко, деловитый, как многие родители, видимо, лучше знал, что нужно дочери, да и к науке истории относился, по словам Любви, снисходительно, а точнее – считал её легкомысленной. И молча отвёл дочь в приёмную комиссию филологического факультета. Она и не предполагала – поставил перед фактом. Люба сначала жалела, но потом поняла, что в работе ей литературные знаниягодились.

Вторая жизнь связана с мечтой о большой семье. В отличие от первой – осуществилась. Мама. Жена. Трое замечательных детей. «В 1995 вышла замуж, очень сильно и искренно полюбила Александра, талантливого шахматиста и интересного человека, и до 2013 года жила для семьи. Если работала, то для своих в свитом гнёздышке. Муж из Чечни – уклад: женщина – хозяйка, хранительница очага и начертано – быть дома. Потом дети повзрослели, старшие стали самостоятельными, отделились, младшему уже не нужно такого постоянного внимания, и я почувствовала, что почти не живу, невостребованность шла под руку с пустотой. Тут Валентина Викторовна (да, Тюгашова – прим. автора) предложила мне эту работу. Пространство открылось – как воздуха полной грудью вдохнуть. И это стало моей третьей жизнью».

Некоторой отдушиной было творчество: детям сказки придумывала, пишет стихи, прозу, печаталась в журнале «Диалог». Но поняла, что только творчество не может вместить её неутолимую душу, утолить неутолимую жажду деятельности. Поэтому приняла предложение возглавить Чапаевское отделение ВОС.

Как интересно жить –

И почему-то больно.

Строчки из стихотворения Блоховцовой. А боль эта не от личных неурядиц, трудностей да скорбей, что ещё открывает светилики её души и душевности.

– Две страшных вещи: разговаривать с родителями детей инвалидов трудно, очень больно. Сами дети – не всё ещё понимают, открыты миру, такому, какой есть. С ними приятно, радостно, легко и с любовью. Иногда я просыпаюсь и благодарю Бога, что у меня зрения нет, а не у моих детей. Второе – терять людей, с которыми работаешь. Провожать туда. Больно. Отрывается что-то.

Мероприятия, работа – это одно, личный контакт, общение – другое. Трудно и горько сейчас поддерживать молодых людей, у которых ухудшается здоровье.

Люди приходят с разными просьбами, а иногда обращаются, потому что надо просто поговорить. Кому-то надо вызвать врача на дом, помочь с работой, решить бытовые или личные проблемы.

Не только к нам в офис приходят, мы тоже выезжаем на дом, в том числе и по районам, в посёлки, своим ходом. Мы на подъём-то – лёгкие! И к трудностям отношусь легко, и те коллеги, что со мной работают – тоже.

P.S. или опять про «Машук»

Санаторий получил своё название в честь одноимённой горы, достопримечательности Пятигорска, которую видно из санаторских окон. Её название и сама гора овеяны преданиями и легендами. Одна из них гласит, что Машук в переводе с одного из местных языков означает: «ма» – вода, «шук» – идти. И это древнее чудо природы, на котором держится небо, действительно пестрит источниками, ручейками, водопадами.

Другая, романтическая, история повествует о любви (кончено, о любви!) девушки по имени Машуко к некоему юноше, которого погубил грозный и ревнивый красавец Эльбрус. Так обильные горькие слёзы Машуко обратились в те самые ручейки и водопадики. А гора – получила своё имя.

Но нашим героям, встретившим здесь свою любовь и живущим в согласии, пусть льются в души водопады счастья, пусть пьют они из источников гармонии с собой, друг с другом и миром. Пусть.

Храни их, Боже.

Ещё P.S.

Когда с запинкой, меняя интонацию, говорят о человеке, что он «особенный», подразумевают отклонение, заболевание. И чем больше я пишу о моих героях, людях с болезнями органов зрения, тем больше убеждаюсь, что они действительно особенные: особенно сильные, особенно достойные жизни, особенно напористые, если за что-то берутся или несут ответственность, особенные в радости и душевности – ведь тому есть особенная причина. Особенности в любви к той самой жизни, особенные каждый по-своему, потому что редкие индивидуальности, самодостаточные и интересные. Личности. При этом они не задумываются над своими достойными «особенностями» – просто живут, живут полной жизнью, насколько это возможно в их положении. Я намеренно опускаю проблемы, с которыми они ежедневно сталкиваются, обхожу всяческие их жёсткие падения или бытовые травмы – они об этом почти никогда не рассказывают сами, а если уж откроются, то с улыбкой. А что за ней, за этой улыбкой?!

Да, именно.

И уроки, препоясанные силой.

18 кг медалей. Толковые будни Андрея Букова

*«Будет толк!» –
Андрей Строкин,
российский пловец-паралимпиец,
пятикратный чемпион паралимпийских игр,
трёхкратный чемпион мира,
многократный чемпион Европы, мировой рекордсмен,
заслуженный мастер спорта России
по плаванию среди спортсменов с нарушением зрения,
ныне Генеральный секретарь
паралимпийского комитета России
о четырнадцатилетнем тогда Андрее Букове,
сегодня чемпионе... Но об этом – в очерке.*

6 утра – подъём (гигиена, перекус, дорога).

7.00 – 8.00 – тренировка.

Школа (позже университет).

Обед.

Тренировка – бассейн.

Ужин и немного личной свободы.

Хотя его свобода всегда выражалась в выборе дела жизни, в достижении результата, в труде на пути к этому результату. И тогда – победа вкусна, жизнь – имеет смысл и цену, свобода..., а про свободу – смотрите выше.

Много лет Андрей жил примерно по такому распорядку. Сейчас график дня чуть изменился: уже нет школы и университета, но есть тренерская работа, подготовка к соревнованиям по паратриатлону, общественные мероприятия. Тем не менее и сегодня он продолжает планировать своё время, держать в ритме день.

«Я люблю систему, организованность», - говорит Андрей, - понятно, что меня сопровождали родители, и я им бесконечно благодарен.

Да, Инна Александровна, мама, и Вячеслав Александрович, папа, проживают не только свою жизнь, но ещё сполна и судьбу сына. Дело в том, что недуг у Андрея с рождения:

аномалия зрительного анализатора, атрофия зрительного нерва (оптическая нейропатия), астигматизм.

«Я с детства знаю только этот мир, мой, и не видел другого, не знаю, как может быть иначе. Я его принял и встраивался в него, как получилось», - делится Андрей.

А получилось так. В плавание отдали с семи лет и больше для общего здоровья. А в 2005 году Андрей поехал на соревнования в Уфу. Это было первенство России по лёгкой атлетике среди слабовидящих и слепых. Всё волнительно, всё ново, другой город, адреналинит... И пусть без больших побед, как признался сам Андрей, но «семечко в душу посадили». Семечко азарта спортивных состязаний. И тогда, когда водные дорожки были Букову уже не в новинку, в семье приняли решение попробовать в плавании.

Вячеслав Александрович признаётся с некоторым волнением и гордостью: «Андрей – это мой проект. Я всегда это говорил. Как-то в школе слепых на родительском собрании речь зашла о будущем наших детей: что для этого нужно делать. Большинство родителей пессимистично смотрели на тему разговора. Я тогда сказал, что детей с особенностями надо воспитывать лучше, чем здоровых, чтобы не просто хороший человек из них вышел. Со мной мало кто согласился. И судьба у их детей, хорошо, если обычная, а так – безрадостная. Вот я и взялся, а результат – сами видите.

Андрей не ставил пустых целей: если время – то лучшее, если соревнования – то большие, крупные, значимые.

Тогда, в детстве, врачи сказали, что у Андрея искривление позвоночника, хорошо бы лыжи или плавание. Выбрали плавание. На воду «Локомотива» ходили.

Когда он был маленький, мы ходили плавать в бассейн «Полёт» авиационного института. Там проходило первенство города по плаванию среди инвалидов. Участвовали не только слепые, но и ребята с самыми разными физическими особенностями. Причём в одном старте. Был заплыв. Андрей и ещё один мальчик финишировали так, что было непонятно, кто же первый. И им двоим предлагают состязаться, чтобы определить победителя. А тот мальчик, он видящий, очень высокий, а Андрей низкорослый. Старт, они ныряют... Его соперник делает тактическую ошибку: глубоко занырявает, а пока под водой преодолевает свою дугу и выныривает, Андрей уже финишировал. Ну, глаза навывкате были не только у соперника. А у нас, конечно, радость первой победы и первые понимания того, что данные, да, играют роль, но спорт должен быть не только целеустремлённым, но и умным.

Как-то в санатории, в Ессентуках, ещё в его детстве, помимо процедур, играли в волейбол, бадминтон, ходили в бассейн. Инструктор по плаванию научила его делать тот самый подводный переворот с отталкиванием перед уходом в обратную сторону. Он освоил вполне профессионально. А достижения дают крылья».

2006 год. Стерлитамак. Андрей заявляется на три дистанции: 50 метров – кроль, 50 метров – брасс, 50 – на спине. Знал бы, заявился и на другие, потому что в каждой из них можно вырвать победу и заработать медаль, но опыта было ещё мало, да и сопровождавший Букова учитель географии подсказать не мог, не в теме. Ну и опять без медали. Андрей

расстроился, но расстроился по-спортивному: захотелось на пьедестал с медалью. А это признаки чемпионского характера.

Стерлитамак стал стартом на длинную жизненную дистанцию, на которой слабакам и любителям нет места. Уже на следующий год в Дзержинске Нижегородской области, куда поехал с отцом, – орации и гимны за серебро и бронзу. Понравилось.

Там отец снимал на видео заплыв сына, тогда ещё 14-летнего. Андрей шёл хорошо, ровно. И вдруг к финишу на морально-волевых прибавил, пошёл на мощное ускорение. На той же дорожке дожидался следующего заплыва олимпийский чемпион Андрей Строкин. И оценил победный финиш: «Будет толк!»

Как важны вовремя сказанные нужным человеком слова, первое профессиональное признание – они с той поры с Андреем и теперь. И, может быть, именно они помогли Андрею не раз совершить финишный рывок, как на XXIII Летних играх в триатлоне, где он на последнем этапе в беге вырвал победу, опередив соперника на полсекунды.

Вот как об этом рассказал Вячеслав Александрович:

«Летние игры паралимпийцев по триатлону. Андрей на последней дистанции уступает сопернику, отстал. И вдруг, как когда-то в детстве, они с гидом Артёмом делают немыслимый рывок: надо не только догнать, но и выйти вперед! И они приходят первыми! Казалось, побежал, как свежий, откуда силы?! А за финишем он падает обессиленный и лежит. Я в слезах к нему. По пути корреспондент ТВ мне – микрофон. Я: «Да подождите же, дайте в себя прийти...». Когда потом Андрея спрашивали в интервью: «Как?», он сказал: «Ничего не помню, только увидел, что они вырвались вперёд, и тогда мелькнуло – нет! Ну и всем нутром вперед». А тренер, Марина Юрьевна Никитина в восторге и волнении: «Вот это финиш, такой накал страстей!» Андрей выложился так, что очень долго отходил. Тогда я ему сказал: «Может, ну их, эти медали. Здоровье дороже». Ведь у него не только зрение, с общим здоровьем тоже есть проблемы. Сколько мы с ним лежали в больницах, ездили по санаториям. Но он ответил: "Нет"».

На самом деле среди увлечений Андрея были шашки, шахматы, вокал, рисование, однако всё это казалось ему, будущему чемпиону престижных спортивных баталий, скучноватым. Вот в плавании – драйв, движение, тот самый азарт. Но теперь этого было мало. Теперь требовался труд: когда через не могу, когда надо переламывать себя, ставить новые цели, поднимать планку и переть, переть... Однако к этому пониманию он придёт ближе к юности.

Андрей улыбнулся своей неожиданной, но вполне реалистичной мысли: «Если бы я, когда занимался вокалом, умел так переламывать себя, я и в пении бы добился успехов».

Кстати – об искусстве и прекрасном.

Если папа, Вячеслав Александрович, выступал в роли тренера и спорт-менеджера и, как видно из результатов подопечного Букова-младшего, вполне успешно, медально, то мама, Инна Александровна, открыла сыну мир прекрасного. Про вокал мы уже говорили: ещё с её мудрой подачи Андрей взял в руки карандаши, кисти, двери ему открыл художественный кружок. Как говорится, наш пострел...

И знаете, в этом случае неважно, станешь ты великим певцом или художником. Здесь главное – почувствовать искусство изнутри, прикоснуться к этому волшебству, научиться видеть и чувствовать его, а значит расширить свой внутренний мир и взгляд на мир окружающий. И прийти к той гармонии физического и духовного в человеке, о которой мечтали древние эллины.

Историческая справка

На заре Олимпийских игр в Древней Греции была такая дисциплина в обязательных состязаниях: «битва» глашатаев и (по-русски) трубачей, а это уже из сферы искусств. Сам праздник спорта нередко сопровождался выступлениями поэтов, которые под игру на лире или без оной воспевали спортсменов, хотя часто ими являлись сами и участвовали в борьбе за пьедестал, хоть в беге, хоть на колесницах, хоть в кулачных боях, а кто-то и диски бросал...

Каллимакх из Кирены, поэт. Пифагор, математик и философ. Гераклит Эфесский, философ, а еще – Платон, Аристотель... Это только из известных, кто показывал удаль на античных Олимпиадах.

1912 год. Стокгольм – переходящая столица Олимпийских игр. Известный всему миру Пьер Де Кубертен добился включения музыки, живописи, поэзии в олимпийский перечень состязаний. И его собственное стихотворение «Ода спорту» как-то получило золотую медаль.

Литературно-музыкально-живописная борьба была отменена после Лондонских игр 1948 года. (информация из открытых источников).

А жаль. Уверен, наш бы победил.

Ещё маленьким, по воспоминаниям, он засыпал под пианино, на котором играла старшая сестра Ольга. Ну это так, лирико-музыкальное отступление. О прекрасном.

Пока по рассказу выходит, будто у парня и детства-то не было. Нет, не совсем так. Начать надо с того, что Андрей – домашний. Интроверт, или особенности тому помехой, но ему трудно сходить с людьми. Хотя сам признаётся, что во дворе его не шпыняли, не издевались и в коллективные игры принимали. В его времена пошли уже компьютеры, но Буков из тех, кто ещё застал улицу: казаки-разбойники, войнушку. Понятно, что кто-то с ним из ребят-девчат был рядом, но ведь когда в куче дворовой, в игре – это ж здорово!

Чаще всего он играл с племянником сестры Оли – Артёмом. Экстраверт классический. «Близок, как брат», – вспоминает Букин. Тот-то Андрея чаще всего вытаскивал на улицу и был рядом. А дома они играли, как все пацаны, в солдатики: понастроят из видеокассет здания и ведут городские бои. Конечно, если купят модельку автомобиля, особенно копию, лучше недешёвую, как же зудит узнать, как она устроена внутри, но так, что потом не собрать... Пацан как пацан.

Те, кто прожил самарское детство, в том числе и я, если оказывались с родителями на Ленинградской, тащили их в «Юность», легендарный универмаг, за танчиками или

любимыми солдатиками. Не обошла эта радость с дрожью и Андрея. Греют эти воспоминания его по сей день.

От первого лица, от героя:

«Сила воли? Да не было силы воли, трудолюбия не было. Лень. Лень была. Плавать любил, но специально тренироваться не хотелось. Ещё не умел себя переламывать. Вокалом занимался. Отдали учиться – как только через не хочу рычаги почувствовал, бросил. Родители ничем не заставляли заниматься. Лояльные были. Мягко: хочешь-нет. И только к семнадцати щёлкнуло: родители возят, сопровождают, вкладывают силы, время, энергию. И ради меня переламывают себя, уж точно через не хочу. Я это стал ценить. Неужели я не могу пересилить себя, перебороть и в благодарность сделать больше, чем делаю? Взялся. И результат пошёл».

В его голосе звучала благодарность, в которой билось сердце, а мне виделись фигуры на кухне с тем самым шёпотом, с которым решаются судьбы, те поездки, ожидания, сжатое и растянутое в делах сына время, с привычно смятой болью и открытой любовью родителей. И сухие надежды, когда-то выплаканные. И светлая радость. Трепетная. Настоящая. Удвоенная, сами знаете почему.

А Андрей продолжал: «И ещё момент. В интернате учили адаптироваться: чувство пространства, координация, внутренний взор... Так там иногда так носились по коридорам – и не скажешь, что слепой! Поехал как-то на международные паралимпийские. Там незрячие, опорники, ментальщики... и все бойцы. А когда видишь, как инвалид пальцами ног вставляет нитку в иголку, думаешь, что у тебя всё в шоколаде... Надо выжимать всё, из имеющихся у тебя возможностей».

Отвлекусь. Каждый герой моих очерков – открытие, каждый мой очерк – самоосознание. Поверьте, я есть в каждой строчке не просто своей мыслью и ремеслом. В них, как сквозь лупу – моя собственная, невидимая для читателя, жизнь: события, поступки, мои мечты, мои, пережитые когда-то боль или радость, потери и обретения... И надо иногда прибираться в душе: с чего-то смахнуть пыль, вымести налётное, отполировать до прозрачного, светлого, чтобы твёрже ступать, легче дышать, яснее смотреть, чище думать. И то, что я сейчас делаю, мне в этом помогает. Может, поэтому я люблю своих героев?! Героев, именно.

Инна Александровна гордится сыном. И не только его спортивными достижениями. «Мне повезло, что у меня такой сын. Идеальный ребёнок был. И есть. Отзывчивый. Поддерживает и морально, и материально. Добрый. Может иногда и не надо быть таким? Он много чем увлекался. Мы хотели узнать, на что он способен, где ему понравится, и он раскроется, чтобы определить его будущее. Поэтому отдавали во всевозможные кружки, студии. Ходил на рисование – получалось хорошо. Преподаватель сказала, что у него есть свой подход. Он нарисовал мой портрет, а она воскликнула: «Смотрите, как он вас видит!» Когда его туда отдали, не сказали, что у него проблемы со зрением. Картины его были хорошие, выставлялись в том центре, где занимался. И петь ему нравилось: сама сцена, атмосфера выступления. Но как только отдали в более профессиональную «Задумку», где потребовалось больше труда, разонравилось. Ушёл в плавание. А мы подстраивались под

него, под его желания и предпочтения. И везде, где мы занимались, он находил с ребятами общий язык. Когда ещё учился, ждал, когда я приду на урок, спрашивал, приду ли. А сейчас, пойдут они с женой в кино или гулять, он: “Мама, с нами пойдешь?”»

Жена? Да, Ася. Дизайнер. Волшебница. В живые самоцветы, камни вдыхает свою душу – браслеты, кулоны, диадемы, гривны... Искусство. Тихое восхищение от взгляда на украшения, чего уж говорить, если носить.

Как было? Андрей вёл группу аквааэробики. Пришла на занятия девушка. Приглянулась сразу. Но помним же – интроверт! Вот и тянул резину несколько месяцев. И жили-то оба в «Южке» – как говорится, карты в руки. Андрей тогда решил жить самостоятельно, отдельно от родителей. А потом – скромная свадьба для своих. И – даже скучные Мальдивы могут показаться раем на земле, если медовый месяц там, на пальмовых атоллах с белым ракушечником в окружении лазурных вод – с любимой. «За звезду – полжизни, за Луну – свободу...» Сука-любовь! Жаль, яблоки привозные.

Не, нет. Стоп. После занятий друг на машине подвозит из бассейна до дому Асю и Андрея. Ехать пять минут. Сколько можно сказать друг другу? «Войну и мир» на эфирном уровне рассказать можно, но необязательно. Важно, чтобы ауры соединились, пространства сплелись, вселенные соприкоснулись, а уж с какими молниями или радугами... И так длилось осень, зиму. А перед новым годом Ася дарит Андрею звезду из еловых веток («За звезду – полжизни», помните?), украшенную игрушками. Хендмейд. По-нашему, подарок своими руками. Тренд такой. То есть, актуальное направление, новая тенденция, явление, ставшее доминирующим в развитии. И этот подарок не знак ли, что нужно действовать?!

Подарила 23-го декабря. А 28-го – последнее занятие. Ах, тут-то загорелось, запылало в груди у влюблённого юноши. Чем ответить, чтобы от души, чтобы порадовать?! Конечно, всякие банальности типа шампуней – прочь! Перекопал, перерыл интернет и нашёл: самодельный шоколад в форме. Там технологических хитростей море – освоил. Чтобы он не таял в руках, мало растопить на водяной бане исходный материал, его надо темперировать. С многократным быстрым охлаждением. Потом посыпочка из орехов, коробочка своими же руками, куда упаковал частичку своей души, спрятал секретом дыхание любви. Откроет, вдохнет и... Ну а потом стали переписываться, встречаться. Потом она поедет с ним на соревнования, потом – предложение и далее по списку.

Кстати, о соревнованиях. Прийти к жёсткой самодисциплине, к тренировочному труду – не всё. По признанию самого Андрея, спортивных физических данных пловца у него нет: и рост невысокий, и органика мышц не соответствует. Поэтому надо трезво понимать: сколько ни потей, где-то есть та планка, выше которой ни прыгнуть. Пусть сравнение из другого вида спорта, но, по сути – факт: желаемый результат не получить. Это не значит, что не стоит за него бороться – стоит не впадать в отчаяние, научиться быть на ты с неудачей.

А ещё, помимо объективного и зависящего от тебя, существуют форс-мажоры и прочие штуковины непреодолимой силы. Почти. Так, тогда, в первую поездку с отцом, по прибытию у Андрея обнаружили температуру. Вячеслав Александрович не хотел

выставлять сына, но тот сказал: «Раз приехали – плывём». То ли простуда, то ли хитрющая психосоматика от волнения перед важным, однако похожие препятствия не раз возникнут позже.

Восемнадцать лет. Первые «взрослые» сборы в сборной России. И опять злополучная температура. Постеснялся признаться, боялся, что подумают: «Отлынивает, слабак». Три дня плавал, скрыв болезнь.

А в другой раз вдруг тело покрылось сыпью... но об этом позже.

Андрей вспоминает самое начало своей спортивной карьеры, попутно анализирует. Тогда, после первого серебра и бронзы в 2007-м, тяжело было попасть в спортшколу или найти платного тренера, даже информации об этом выходило мало, при этом паралимпийский спорт слаборазвит. Но золота захотелось по-спортивному азартно.

Привлекла внимание и дала толчок Паралимпиада в Пекине 2008 года. В Самарской области по плаванию одна ДЮСШ № 8. Приехал на просмотр – тренер взял. С этого момента – профессиональный этап. «Я учился в 17 школе-интернате для слабовидящих и слепых, - вспоминает Андрей. – Тренировки в бассейне СКА, две в день. Разрывался на перемещения через полгорода, тренировки и учёбу. Пришлось поменять школу. Пошёл в спортивный лицей. Понятно, что там, с учётом тренировочных процессов, главное внимание - к спорту. Было тяжело. В интернате учатся 12 лет, программа растянута, и я из 10-го класса перешёл в 9-й. Ну и боялся, что вдруг не увижу доски, хоть и сел за первую парту. Ничего, приняли меня таким, какой есть, разрешили, если что, подходить к доске. В целом всё получилось. Начались тренировки. Нагрузки увеличились. Но у меня вдруг запал пропал. Даже тренировки пропускал иногда. И цели вроде были, и медали в это время получал, но всё равно плову бассейн 28 секунд, а мог бы 25. Не понимал цену больших побед. Вкладываться надо было по полной. В 2010-м переключился через не хочу. И пошло. Переборол и включился новый азарт: «А что я ещё могу?! Новый личный рекорд? Новую личную победу?» Тренировок не пропускал, если пришёл – собранный, без расслабухи. Цели, и промежуточные, и дальние, ставил. И результат появился, а это сил прибавляет, и новые цели появляются».

В 2012 году в Лондон Андрей едет первым запасным. Это – Олимпиада. Олимпийские игры – мечта всякого, по-хорошему амбициозного спортсмена. Чуток не хватило, чтобы выступить. А потом опять спад пошёл: и выкладывался во всю, диеты разные пробовал, формы тренировок менял, а результат не улучшался четыре года.

А в 2013 году та самая беда – сыпь по всему телу. Плавать не может, как ожёг: горит, зудит, то жидкость выступит, то коркой покроется, опять рвутся. И физически тяжело, и эстетически, и психологически изматывает, силы отбирает болезнь. Руки опускаются. Врачи понять ничего не могут, соответственно, назначения не помогают. Уколы, таблетки – только хуже. Врачи уже и Андрея подозревать стали, мол, стероиды пьёшь – вот и реакция. И аморалку шили, и на аллергию от хлорки косили.

«Думаю: «Брошу дело жизни – пройдёт?» – не дают гарантий. И тут паренёк, который тоже ходил на тренировки, дал Андрею номер телефона со словами: «Она поможет». Андрей этого спортсмена больше не увидит – тот переедет в Краснодар, а вот слова его окажутся

правдой. Называйте, как хотите, ту народную целительницу, не в укор ортодоксальным, особо не удавшимся медикам, а та женщина, даже не глядя на сыпь, сказала: «Печень». Дала травки, назначила диету и... И всё прошло! Начисто. И это факт «недоказательной» медицины.

Опять тренировки. А результат средний, даже на третье место не тянул. И опять предательская мысль – бросить. Пойти массажистом. Или тренером. Но не бросал: надежда, как говорится, ...последней. И в 2016 году, в олимпийский цикл, приходят силы. И бегал, и плавал – тренировочный процесс непрерывный: скачок в личном достижении, есть результат. Но опять малость не дотянул. И опять первый запасной.

«Надо было что-то менять. Тогда я переехал в «Южный город». Подумал, пойду в бассейн инструктором. Работа – следить. Буду плавать, может, подготовлюсь к Токио. Директор бассейна предложил мне тренером в «лягушатник». Я был ошарашен. Да, педагогическое образование есть, но опыта работы с малышняй нет никакого. А времени на раздумье не дали: завтра выходи. Знакомая тренер, Елена Владимировна Золотарёва, которая когда-то подменяла моего тренера Татьяну Геннадьевну Клементову и занималась со мной, помогла очень. Провела вместе со мной первое занятие, много, что подсказала, за что я ей бесконечно благодарен. У меня работа шла то ровно, хорошо, то не получалось. Ну и по цепочке: отрицание – гнев... Куча внутренних споров и вопросов: «Что, куда, зачем?» А сегодня я, если месяц бассейн на «санитарке», скучаю по ним и по этой работе. И когда тебе говорят: «Спасибо, что научили плавать», кажется, что дороже золотой медали. Сейчас я люблю то, что делаю».

При этом он занимается не только с малышами. Тренирует и взрослых. Одна из его воспитанниц, Анастасия Викулова – член паралимпийской сборной России, неоднократный победитель и призер первенства и чемпионата России по плаванию. А тренировать Настю Андрей начал ещё в период написания своей дипломной работы в вузе.

Два года кроме работы Андрей всерьёз ничем не занимался. Это про тренировки. В 2016 году паралимпийцев не допустили на игры в Рио. Спортсмены, которые готовились, выкладывались, остались с тяжким камнем на сердце. Бог им, организаторам, политизировавшим спорт, судья. А Андрей, который нашёл себя в новом деле, работал, при этом ездил на первенства России, пусть и не олимпийского уровня, и завоевывал медали. Он признаётся, что тогда у многих пловцов из-за санкций пропала мотивация. Словом, до 2018 года он сосредоточился на работе, однако обратил свой взор на паратриатлон.

Этот вид спорта включает три дисциплины: 750 метров – открытая вода, 20 километров – велосипед, 5 километров – бег. И все дистанции сразу, без перерыва и отдыха, монолитом. Паралимпийцы состязаются в связке со зрячим гидом, так что тут результат зависит от морально-физической подготовки обоих спортсменов (и лучше, если гид будет сильнее). И в России Андрей стал, можно сказать, первооткрывателем этого вида спорта в федерации слепых.

Занимался с товарищем. Особой проблемой выкатился велосипед: тут не только техника езды и гонки, но и секреты самой техники, простите за каламбур, велика. Нашли тренера. За четыре месяца надо было набрать форму. Тренировался, не бросая работы. Рассчитывал

на плавании вырвать время. Однако это был уже 2020 год, в Токио они с гидом стали лишь девятыми. Сил было вложено море, но мечта опять ускользала, уплывала не сбывшись.

Анализируя ситуацию, Андрей понял, что гиды у других участников - профессиональные триатлонисты, они порой буквально вытягивали своих слабовидящих или незрячих партнеров. Ну и понятно, в новых дисциплинах надо подтянуться до уровня.

Решили сменить схему подготовки, точнее, кардинально изменить картину происходящего. Посмотрели, кто выигрывает, какие города лидируют в этом виде спорта. Москва, Краснодар, Саратов... выбрали Саратов. Позвонили в федерацию. Нашли гида. Артём. Для него – первый опыт работать в связке со слабовидящим. Согласился. Тренировки, тренировки, тренировки... И первое место на Кубке России. И уже теперь пять лет вместе. А Токио – ковид и олимпиаду перенесли. Ускользает, она. Мечта. И в Париж не поехали...

Поскольку в федерации этого вида спорта среди слабовидящих и слепых не было, он выступал в других федерациях, но в 2018 году федерация слепых вводит официально паратриатлон. И у Андрея открывается второе дыхание.

О начале спортивной карьеры рассказано. Но не всё! Об олимпийских перипетиях тоже. И лишь вскользь обмолвились, что Андрей выезжал на другие соревнования. Коротенько восполним пробел.

2009 год. Санкт-Петербург. Первенство России. Андрей выигрывает все дистанции и 10 золотых медалей идут в его копилку. Плюс выполняет норматив кандидата в мастера спорта.

Тот же год. Колорадо-Спрингс (США). Чемпионат мира IBSA (Международная организация спорта слепых). Весь пьедестал (правда, на разных дистанциях): золото – 50 метров на спине, серебро – 50 метров баттерфляй, бронза – 50 метров вольный стиль. Плюс благодарность Олимпийского комитета России за большой вклад в развитие физической культуры и спорта, пропаганду олимпийского движения.

Для того, чтобы понять, что скрыто на самом деле за перечислением дат и заслуг, как и что варится на спортивной кухне, приведу рассказ Вячеслава Александровича: «Перед тем как поехать в Америку, в Колорадо-Спрингс, был чемпионат, на котором Андрей выиграл 10 золотых медалей. Тренер собрал всю команду, стали выбирать, кто поедет. Идут предложения, разные кандидатуры, а об Андрее – молчок. Я встал, говорю: «Кто выступил лучше всех?!» Отбалтывались какими-то регламентно-организационными препонами. Я вернулся в Самару, поднял всех, кого мог, затем и в Москве. Взяли одиннадцатым. Итог – три медали в копилку сборной. Это я как менеджер отработал, а Андрей не подвёл».

На малой родине тоже не раз отмечали достижения Андрея Букова. Так, в том 2009 году, ему присуждена именная премия губернатора Самарской области за проявленную особую волю, трудолюбие и любовь к жизни в номинации «Физическая культура и спорт». Чуть позже присвоено звание «Лауреат областной общественной акции «Народное признание» 2009 года» в номинации «Надежда и опора».

Год спустя, в 2010-м, почётная грамота и медаль учащемуся 11 класса Самарского спортивного лицея Андрею Букову от городского главы.

Были (уверен, будут ещё) и другие знаки признания, а почёт, оказанный нашему герою, согласитесь, вполне заслуженный.

А ещё он удостоился чести нести олимпийский огонь Олимпиады Сочи-2014, и также был факелоносцем Паралимпиады Сочи-2014.

Следующий, 2015-й. Корея. Всемирные игры слепых Международной федерации спорта слепых. 6 медалей: 3 золотые (100 метров на спине, 100 метров баттерфляем, комбинированная эстафета 4x50), 1 серебряная (400 метров вольным стилем) и 2 бронзовые (50 метров и 100 метров вольным стилем). Плюс по рейтингу IBSA Андрей – в десятке лучших спортсменов мира в мультимедальном зачёте.

2020 год. Тот самый пандемийный, когда перенесли Олимпиаду. Тем не менее в Португалии – Кубок мира по паратриатлону. Андрей в первой десятке, достойное 7 место.

Чемпион России по плаванию спорта слепых 2019-2021 годов, Чемпион России по паратриатлону 2020 – 2022 годов.

Победитель Летних игр паралимпийцев «Мы вместе. Спорт» в 2023 году, триатлон.

В общих чертах всё. Аж вспотел, как 1000 метров скорым кролем (как-то пошутилось).

Есть ещё море общественной жизни, участие в акциях и всевозможных проектах по пропаганде физкультуры и спорта среди детей и молодежи, тянет лямку, а если отпустить юмор, бурлачит крепко, занимаясь организационной работой во Всероссийской федерации спорта слепых и т.д., и т.п...

Как-то в шутку взвесили медали – 18 килограммов!

Я поймал себя на мысли, что пишу о нём, как о зрячем – настолько полной и насыщенной жизнью живёт Андрей, таким же было и его детство. Но не стану делать поправок и расставлять новых акцентов, входить в те особенности, которые сопровождают будни людей с его недугом – думаю, что это понятно. Здесь важнее так, как написано. Потому что это правда.

Тысячи дорог Геннадия Голованова

Если признать утверждение, что о каждом человеке можно написать не только очерк, но и роман, то о нём не уложишься и в трилогию.

Скорая речь – в ней уже бурлит, клоочет энергия, энергия неумная, границы которой, кажется, растворяются в энергии космоса. Интонация спешит по клавишам ниспадающими и восходящими пассажами. И жизнь его с раннего детства вулканировала, выплёскивая раскалённую лаву затей, решений, поступков. И о, нет, это не просто метафора и поэтизация. Судите сами.

Кстати, Геннадий Михайлович. Тот самый. Голованов.

Сегодня он уважаемый, востребованный человек, бесконечно образованный, с широким кругозором, дед для внуков – находка, а когда-то...

Пацанское Генкино детство гроыхало, подскакивало на ухабах сорвавшимся колесом от телеги в селе Приволжье и в школе-интернате для слепых и слабовидящих №17: драки двор на двор, подожжённый самодельный порох или «дымовуха» из пластмассы, а лучше – ракетница из кинофотоплёнки, завернутой в фольгу, полёт которой оставляет тёмный дымный след, что лиричнее девчачьего восторга и слаще шоколадки; прыжки из окна или с гаража, а ещё – попробуйте залезть по стене дома по выступам аж до третьего этажа... То-то! Или лихо прокатиться на трамвайной «колбасе». Ну, и как результат, помимо возмужания, – травмы, ранения, больничные койки. И тройка по поведению. Почти «неуд» («неудовлетворительно» – оценка по поведению в советские времена, записывалась в аттестат, официальный документ о получении образования). Тройку он исправил (как, с его-то непоседливостью?!!!)

Тут надо сразу сказать: врождённая катаракта обоих глаз, больницы, операции, инвалидность... Один глаз не видит совсем, на другом – спасительный 0,01 процента. Это – возможности. А актив – жизнелюбие ненасытное, клинически страстное и по количеству, в особенности качеству событий, шагов, итогом – прожитые как минимум девять жизней, пройдено тысячи дорог. И если бы моя собственная была менее трамплиниста и взвихрена, то, честно, белой завистью. Белой-белой...

Однажды была «война». Сумерки. Гена со товарищи заняли оборону на крыше двухэтажки. Отбивались голышами, галькой и бутылками с карбидом, которую надо успеть бросить, чтобы не взорвалась в руке. Окружившие их «враги» строчили не только стрелковой мелочью вроде щебёнки: к развилке толстых ветвей дерева привязали авторезину и шмаляли почти кирпичами. Это тебе не рогаточка в два пальца! У защитников крыши заканчивались боеприпасы, и Гена отправился за пополнением. На улице стемнело почти совсем. Уклоняясь от снарядов, преодолевая темень, он делает шаг – и уже в воздухе понимает, что шагнул за край и летит вниз. Асфальт. Рядом – стальной кол из земли, то ли от заборчика, то ли... Миловал Он. Спас. И спасёт бедовую голову Генки не раз.

При этом мальчишки, и Геннадий не исключение, зачитывались взапой книжками, да так, что одно из суровых наказаний, которое придумали педагоги – запрет на посещение библиотеки, например, на неделю, – было одним самых тяжёлых. Люто.

Читали фантастику. Ефремовские «Туманность Андромеды» или «Лезвие бритвы» будоражили умы, окрыляли души. Альманах «Мир приключений» – до дыр. Исторические, рыцарские романы. И, например, документальные, про англо-бурские войны: болели за бу ров и ненавидели захватчиков, колонизаторов-англичан, которые наложили жадную кровавую руку на Оранжевое Свободное Государство и Трансвааль (ЮАР).

Конечно, многое зависело и от педагогов. Преподаватель истории, Коковихин Вениамин Александрович, красочно и увлекательно уносил ребят к Египетским пирамидам или в Древнюю Русь, как в машине времени, с реалистичными подробностями, так, что возвращаться не хотелось.

Кстати, сам он воевал в Великую Отечественную сапёром, где потерял руки по локоть и зрение. А воспитатель Игнатьева Юлия Всеволодовна раскрыла для мальчишек и девчонок чудо и тайну поэзии Серебряного века: Хлебников, Игорь Северянин, Бальмонт, Зинаида Гippiус и Мережковский. Акмеисты, имажинисты, футуристы... А ведь этих имен и их творчества не встретить в школьной программе советского обучения – запрет наложен.

Чуть старше – новое увлечение, опять запретное: эфир, «радиоухлиганство». Целая кухня. В СССР приобретали средневолновые передатчики, мастерили сопутствующую технику сами, придумывали себе позывной и выходили в эфир, общаясь друг с другом, крутили запрещённую рок-музыку. Милиция называла их радиоухлиганами, глушила выходы в эфир, отслеживала, конфисковывала оборудование, штрафовала. А они слушали битлов, «Лед Зеппелин», «Назарет» и «Дип Пёрпл», «Радио Свобода», «Голос Америки», Польшу с прекрасной музыкой, недоступной на отечественных радио, Токио и продолжали любить свою Родину. А ещё «гоняли», то есть транслировали, «блатняк», то, что сейчас называют шансоном – зоновскую, воровскую тематику, а потом, когда магнитофонные бабины, переписываясь, множились и пошли по стране, узнали, что некоторые песни поёт Высоцкий. А когда открылось всё многообразие творчества артиста, Геннадий утвердился: Высоцкий – навсегда.

А как спорили! Кто полетит первым в космос? Есть ли жизнь на Марсе? До брызг! До сжатых кулаков! А потом в пионерскую или в КИД (клуб интернациональной дружбы) можно макулатуру собирать, марками поменяться.

Как же мне это всё напоминает моё собственное детство-отрочество и месяц без приключений, путешествий, битв и травм – скучное потерянное навсегда время. И библиотека прямо во дворе тоже была. И море книг.

Спектакли, сцена. Первая любовь, когда ничего не понятно, но почему-то одну из девчонок вдруг выделил из всех. И не выходит она из головы. И так и тянет обратить её внимание на себя. А уж Гена мог это сделать влёгкую, и не так, как все остальные мальчишки.

Последний звонок. Прощай, школа. Записался в турсекцию. Походы, палатки костры, Высоцкий под гитару, сплавы на байдарках: Кондурча, Сок, Самарка...

Но надо что-то делать, получать профессию, обеспечивать себе будущее. И Геннадий едет учиться в Кисловодск на массажиста. Там страсть к путешествиям обретает высоту Кавказских гор, мощь горных рек, красоту и игристость водопадов, опасность отвесных скал, камнепадов, снегопадов... Архыз, Домбай, река Софийка, привалы, ночёвки... Горные озёра тогда уже покрылись тонким хрустальным льдом – разбили, купались.

Да, не успел сказать, что Михалыч моржевал. Я вообще за ним едва успеваю. Да, морж. Но, по его собственному признанию, не системный, по настроению, а это опасно. Нет, сначала – регулярно, как надо, потом разленился. Рассказывает секреты: пресная зимняя вода сначала обжигает, а потом как анестезия наступает; в феврале купались в Чёрном море – через минуту хочется вылететь из воды пробкой. И в Арктике пробовал – высасывает морская вода тепло из тела, кости стынут. Начеку надо быть.

Новый год 1974 встречали на борту круизного «Узбекистана». Сели впятером в Батуми и в Сочи. Купались на Зелёном мысу, угощались за весёлой беседой в кафе, гуляли по городу. А ночным поездом – в Кисловодск: второго января на занятия (в СССР не было зимних каникул в виде государственных праздничных выходных). Кстати, в этой поездке была Наташа. Но о ней позже.

Как-то он прочитал в газете, что мурманское бюро экскурсий и путешествий предлагает путёвки, как показалось Геннадию, в прелюбопытный круиз, по Арктике. Оформили спецразрешение на нахождение в приграничной зоне, там таких территорий много.

Судно ледового класса «Клавдия Еланская». Предполагались остановки, пешие экскурсии по попутным городам и весям. Но то, что ожидало путешественников, превзошло все ожидания. Да, заходили в Енисей, да, гуляли по Норильску, да, высадились на острове Форт-Брук, на мысе Флора, мели – пересели в шлюпки, пристали к берегу – по лееру на каменистую твердь, сразу за ракетницы – распугивать белых медведей, и ушли в поход к избушке Джексона, построенной в 1864 году, по камням, без троп, да вернулись – в баню, что растопили на теплоходе, а там за стол – капитанский ужин. Да... Но!

«Сидим мы, значит, с Юрием Сенкевичем, ведущим телепередачи «Клуб путешественников», разговариваем, наливаем, закусываем...», – кого только не встречал в своих жизнях Голованов, с кем только не... общался! А команда известного телеведущего работала на борту корабля, снимала документальный фильм под названием «Самый северный маршрут» (я посмотрел, кстати, и вот тебе чувство события, будто через рассказ героя и кадры фильма, которые соединились в сознании в некую реальность, прокси-реальность, пара-реальность: я был там, где не был). Актёрская карьера Геннадия, которому в 1983 году было 34 года, северным сиянием просияла в судьбе нашего героя. И в музыкальном салоне позировали, и на дрейфующих льдинах маневрировали, и свет по борту в каютах по команде режиссёра включали, потому как киноплан как раз охватывал судно... И много что ещё. Такие дела.

Наташа. Она станет его женой, родит сына и двух дочек. С Геной их закружит ветер странствий, ну и учились вместе там, в Кисловодске. Но тогда, под Новый год, на круизном «Узбекистане» девушка была с другим, ну а Геннадий, согласно небесному сюжету – с другой.

«Компанейская была она, «свой парень». Ходили в походы, в сталактитовые пещеры, бродили по ущельям, по звериным тропам. Я иногда её рюкзак носил», – улыбается Голованов, улыбается юности, любви, своему штормившему тогда сердцу.

Распределение развело парня и девушку по разным окраинам огромной страны: Геннадий уехал во Владивосток, Наташа переехала в Таджикистан. И тут Голованову выпадает командировка в Худжант. Он просит приехать Наташу на встречу, благо там семь часов на поезде. Приехала. Поезд отстукивал секунды, растянувшиеся в часы, за окном – равнодушные пейзажи, безлюдье или чья-то жизнь, которой нет дела до торопливого девичьего сердца, до трепета парящей души. Им уступили двухместный номер («Не поймите меня правильно», как сказал герой одной из комедий). Нет, это лишь предзавязка: будут разлуки, поездки и встречи, словом, отдельная романтическая, страстная и светлая история, а главное случится позже – предложение, свадьба, рождение ребёнка...

А Геннадий Михайлович устраивается массажистом в центральный совет спортивного общества «Динамо» и с командой спортсменов-велосипедистов четыре года колесит по стране, миру: от нашей родной Волги до далёких заокеанских, южноамериканских Анд.

Пока писал очерк, в областной библиотеке для слепых проходил фестиваль художественного творчества «Слова, звучащие в веках». Геннадий Михайлович получил первую премию за мужскую роль. Играл Пушкина. Кратко сюжет: ссылка, Александр Сергеевич с няней Ариной Родионовной, которая его утешает. Тут та самая, из сказки «Золотая рыбка», и три, как водится, желания. «На первое» Пушкин заказал друга – появился Пущин, «на второе» – женщину. И не угадали, не Гончарова, – явилась Муза. А третьим желанием «поэт» Голованов выпросил прощение: стук в дверь – отзывают в Петербург. Но всё закончится благополучно и в финале прозвучит «Памятник», ну тот, нерукотворный. Кстати, Золотую рыбку играла слепая девочка. Тут и сказке...

Подарки Михалыч раздал не из-за неуважения к вниманию организаторов, а по щедрости души, желанию одарить радостью. А мне хочется пригасить скорость (нет, не «остановите Землю, я сойду!»), словно выйти на станции, увидеть мир вокруг медленно, как соками в прорастающей

траве, без калейдоскопа меняющихся цветных рисунков, рисуемых осколками цветных же стёклышек в отражении зеркал, заглянуть в душу, в сердце, но и там впечатления и эмоции крутятся как в центрифуге и вылетают, не оставив следа, тени... Однако, снова карусель!

Да, нет, конечно! Это не ирония – восхищение увлечённостью, энергией моего героя! Но и не для красного словца: для того, чтобы почувствовать скорость, надо сначала обрести состояние покоя. Для того, чтобы понять, какой ты взрослый – надо оглянуться на детство. Чтобы оценить вкус десерта, нужна пауза после последнего блюда. Мне. Но не Голованову. У него жизнь непрерывная, а кривая его дорог – пряма, и сходятся не только параллельные линии, но и перпендикулярные в разных плоскостях несоприкасаемых измерений. Хотя я тоже не могу сидеть на месте: страсть к путешествиям, к смене мест и профессиональной деятельности у меня ещё как помпует кровь. И этим Геннадий Михайлович мне понятен. Он и сейчас, в 75 горазд: как-то в полупустом трамвае уел на слабо молодых ребят: уцепился за поручни и сделал хитрющую отчаянную стойку. Жена, конечно, ругалась, но это уже потом.

«Волжский утёс». Место сколь престижное, хлебное, столь же и ответственное. В СССР – 4-е Главное управление Минздрава СССР, сегодня – Управление делами Президента. Это здесь проходил в 2007 году саммит «Россия-Евросоюз» с участием Президента РФ Владимира Путина, Ангелы Меркель, канцлера Германии и главы Еврокомиссии Жозе Мануэла Баррозу (со свитой экспертов и министров), а при социализме в «Утёсе» отдыхала вся советская элита: верхушка партийного аппарата, генералитет всех мастей, космонавты, артисты и учёные и т.д. и т.п. Здесь и продолжает свою трудовую деятельность деятельный Геннадий Михайлович, которому вскоре станет тесно и в этой, по его словам, золотой клетке.

Ну, а пока Геннадий и Наташа работают в отделении лечебной физкультуры и массажа. «У нас была физкультура «сухая» и в бассейне, – вспоминает Голованов. – Контрастные ванны, гидрокинезотерапия. Мы первые освоили медицинскую хореографию – да, да!!! – лечебные танцы. Разрабатывали массаж, совмещённый с сауной, вымеряли именно необходимую температуру и техники для сосудистых заболеваний, суставов и других органов. Писали работы для внедрения в другие санатории, относящиеся к 4-му управлению. А их было немало: на Рублёвке, в Барвихе, Загорске (Сергиев Посад), Сочи, Ялте, Юрмале... Плавучий дом отдыха «Лев Толстой» – судно смешанного плавания – мог ходить и по рекам, и по морям: и на Каспий, и в Чёрное, и на Балтику. Оснащён спортзалами и физкабинетами, зубным в том числе».

Там, в одной из лучших правительственных резиденций, Голованов встречался и общался с известными интересными людьми. Посчастливилось ему, иначе не скажешь, провести в долгих беседах с легендарным разведчиком Алексеем Ботяном, который является прообразом майора Вихря, популярного киногероя фильма по роману Юлиана Семёнова. Да, да! – он проходил реабилитацию в санатории. Более того, Геннадий Михайлович написал о нём очерк, под названием «Знакомьтесь, Кринитский»: понятно, что в те, советские, времена слишком мало времени прошло, чтобы снять гриф секретности и раскрыть реальную военную тайну.

Сегодня биография легенды нашей разведки известна и есть в открытых источниках, пусть и, возможно, не вся. Как же много, иногда едва ли не больше армий, делали для победы люди невидимого фронта. Если коротко, то Ботян прожил 103 года, умер в 2020 году, Герой РФ и множество других наград. Высшая школа НКГБ СССР (ныне Академия федеральной службы безопасности РФ), подполье и партизанский отряд, диверсии и «рельсовая война», прямое участие в спасении Кракова, который гитлеровцы уже готовы были взорвать, а после войны – разведчик-нелегал под именем Алоиза (Лео) Дворжака – в Чехии, в других зарубежных странах, в том числе Германии, выполнял самые разные задания от сбора разведданных до координации агентов разведывательной сети, позже консультировал сотрудников, в том числе привлекался к созданию легендарной группы спецназа «Вымпел». Такой собеседник встретился Голованову.

Но вот ведь ирония: тут же, под боком, по рассказу Геннадия Михайловича, работал действующий шпион! «Якобы журналист, – вспоминает Голованов. – Якобы глухонемой. Писал о космонавтике (чувствуете тему!). Входил в контакты, кабинеты и, когда хозяевам кабинетов звонили или обращались визитеры, те при «глухом» не больно-то опасались выкладывать нечто важное». Буренков его фамилия, и Геннадий Михайлович это помнит прекрасно. Говорит: «Его все любили: любезный, всем делал презенты и подарки, баловал денежкой, чаевыми». И только спустя время, из сообщения по телевизору Голованов узнал в лице пойманного шпиона мнимого глухого. По словам нашего героя, Буренкову удалось передать на Запад технологию защитных плиток для летательных аппаратов.

Такие перипетии, такие крутые виражи истории личной, переплетённые с историей страны. Аж, дух захватывает!

Потом Головановы – у них уже было трое детей – переехали в Новокуйбышевск. Геннадий Михайлович вновь вернулся в спортобщество «Динамо», только уже в центр олимпийской подготовки. Порой его привлекали для работы со сборной командой СССР по велоспорту. И опять командировки – только глобус верти, но теперь он частенько брал с собой детей и показывал им мир.

Сейчас он живет в Чапаевске, трудится в горадминистрации. Хотя много работы и в Самаре, а это значит подъем – 4:00, электричка – 6:15, на работе – в 8:00. В последние годы где он только ни работал! Признётся, куда пригласят: театры, администрации, заводы, даже на оборонном, для которого делал спецпропуск в Москве...

Так-то самое колесо телеги из детства и колесит, погромыхая то интересными встречами, то авантурными путешествиями.

А в Анапе сейчас нет самарского серо-унылого ноября. Конечно, жёлто-красные вкрапления осени приметны в красках этих мест, но они лишь подчёркивают зелень вечнозелёных туй, клумбы с разноцветными яркими цветами, и теми, пылающими солнцем, жёлтыми вдоль дорожек.

Он был в Анапе, когда я позвонил. В санатории с дочерью и внуком. Толик один купался с тремя дельфинами, а они с любовью и участием тыкались в него носами, попискивали и смеялись, катали мальчика, радовали и радовались. А ещё они ходили на пляж. Солнце-то есть, но всё ж не лето и для тех, кто замёрзнет, тут же к услугам сауны: погрелся и на... хотел сказать на лежаки, на подстилки. Последний шторм разметал лежаки в щепки, какие успели спрятать, возможно, убрали и уже не выставили.

Провёл в чате из Анапы сеанс о Москве, готовился, историю поднял и сетует: «Ну, разве можно о Москве за полтора часа?!»... И уже думает, вернувшись в Самару, о Пермском крае. Даже в чатах путешествует.

«У нас режим: едим да лежим». Ага, лежит. Шутит! Он и тут ухал в Крым посмотреть знаменитый мост, Керчь. По красивой трассе «Таврида». *И пошли они, и поднялись на вершину горы Митридат, и ступали по множеству древних ступеней, времени которым нет, как и самой горе.* И Голованову. И поднимается Геннадий Михайлович на самый высокий горный пик, вершину своей души, и есть там зрение, и порывы путешествий, и та неутомимость, неуёмность, что рождает исследователей и космонавтов, олимпийских чемпионов и великих артистов, учёных и... таких Головановых. Хотя именно такой Геннадий Михайлович, единственный в своём лице и роде. Уверен.

Счастливых дорог, Михалыч!

Демасова

1 апреля 2024. Фирменный поезд Москва-Челябинск.

Дуплетом отбивают колёса, словно само время грохочет, прорывается с лязгом сквозь невидимую преграду. За окном возникают и уходят в весну полустанки да станции, леса, поля, горы, блеснёт бело-синим озерцо или речка, ещё скованные льдом. Но чёрных проталин на пригорках уже много: подкрадывается тепло.

Поезд влетает на мост. Рябит за окном от перекрытий ферм, а грохот ярче, в самые уши, будто злее, тут ещё – встречный мимо, долбит уже в мозгах, резонирует в горле. Стих разговор. Ждут люди тишины. И вот она, обрушивается до глухоты, до контузии так, что ещё секунду пассажиры привыкают.

Ирина за беседой и забыла, что едут они с командой на чемпионат России. Как ни забыть – тут такое: ребята с СВО направились куда-то переучиваться-учиться, а тема одна: «Как там?» И из первых уст – о передовой, о боях и буднях, окопах и блиндажах, раненых и убитых, героях и трижды героях. И так погружаешься, будто там и есть: и дым, взрывы, автоматные очереди, запах крови, сожжённых тел, и хочется сплунуть землю, набившую рот.

– Как же можно ночи напролёт не спать? Организм не обманешь.

Все понимают, о чём Ирина.

– Это ещё не самое страшное. Вот, например...

Боец замолчал: и так много подробностей было, когда в поезде у всех перехватывало дыхание, а колёса отрывались от рельсов и в замешательстве парили по воздуху. Хватит.

– Ребят, будете кофе? Не стесняйтесь!

– Точно, готовьте кружки.

Кто-то лезет в сумки.

– Парни, вот плюшки-печенюшки. Эй там, подсаживайтесь!

Глаза бойцов словно вышли из окружения, из пекла боя, взгляды отмякли: хоть и рассказывали они обыденно, но зрачки свинцом наливались, вот-вот выстрелят, а порой – прятались. Все в охотку жуют, прихлёбывают.

– А вы куда?

– Спортсмены. На чемпионат России. По пауэрлифтингу.

– Ого!

Недоумение на секунду повисает в воздухе, так же, как при их рассказах о войне.

– Вот вы даёте! И чемпионы есть?

– Есть. И рекордсмены.

*И те, и другие затихали в восхищении перед собеседниками и не понимали, как **так** можно, какой дух надо иметь, чтобы делать, **то**, что делают, чтобы одерживать победу, и те, что вчера сидели в окопах, и те, что завтра выйдут на помост. И те, и другие гордились своими попутчиками, которым по пути оказалось не только поездом, но и сердцем. Свои.*

Провожая, Ирина скажет: «Спасибо, что защищаете нас. Что верны долгу».

Ей ответят: «Спасибо, что верите в нас».

И лишь на следующий день, сойдя на перрон в Челябинске, Ирина, как внезапно выдернутая из сна, посмотрела на окружающее, по телу пошла волна, сердечко, задетое ей, отозвалось дробно: завтра. Но это волнение отступило, закружили хлопьями хлопоты о гостинице, завертели вопросы: где зал, как добираться и тому подобное.

Там, в Самаре, когда шёл усиленный предчемпионатный тренировочный цикл, Демасову не отпускало желание взять новый, больший вес. Но, нет, о конкретном рекорде не задумывалась, точные цифры не загадывала. Просто горелось в душе в очередной раз проверить себя, победить главную соперницу – штангу. Ап!

Она и не думала заниматься спортом, не помышляла, как говорит, и в голове не было. По словам нашей героини, там, в Норильске, где она жила, заканчивала среднюю школу и после опухли получила заболевание глаз, в обществе слепых спортивная практика не прививалась и не пропагандировалась. Ан вот тебе – теперь чемпионка России, Европы, мира, рекордсменка. По пауэрлифтингу, на минуточку. Кто не знает, это дисциплина для сильнейших: троеборье включает в себя приседания со штангой на спине, жим штанги, лёжа на горизонтальной скамье и становая тяга штанги, понятно, с максимальным для спортсмена весом.

Ирина Александровна Демасова возглавляет Сызранское отделение Всероссийского общества слепых, мастер спорта по пауэрлифтингу, чемпионка России, Европы и мира, рекордсменка. И путь её по жизни, путь к рекордам далеко не прост.

Атмосфера в семье Демасовых окутывала домашних теплом, отношения дочери с родителями сложились доверительными, дружескими, в доме царили любовь и взаимопонимание. Они часто выходные проводили вместе: выбирались зимой – на лыжах, летом – за ягодами, вне зависимости от сезона – в театр или просто прогуляться.

На Новый Год наряжали искусственную ёлку (живых хвойных деревьев по близости не растёт), накрывали праздничный стол с неизменными салатами, холодцом из оленины и главным гастрономическим аккордом: обязательным согудем из свежепойманной или мороженой рыбы, пальчики оближешь. После боя курантов и звона бокалов с шампанским отравлялись на городскую площадь. А там – ледовый городок с тоннелями, горки и шумные, со смехом, катания с них; большие фигуры, прозрачные, как хрусталь, красивые, потому что сделаны от души настоящими художниками. И всё в цветных огоньках, сияет, бликует, радует. Красиво. Празднично. С настроением.

Отец Ирины, Александр Иванович, заядлый рыбак, брал с собою дочь. «Морозно. Скрип снега под ногами. В небе – северное сияние. Незабываемо...» – вспоминает Демасова. А когда шла корюшка – она, в отличие от балтийской, питерской, крупнее, жирнее и при жарке пахнет свежими огурцами, – начинался особенный рыбный пир. Летом уезжали на озеро Лама, в горах, не только на рыбалку, но и за грибами. И вообще, короткое, в два месяца лето, все выходные путешествовали, в помощь тому был отцовский катер. И благо дом их стоял напротив гор Путараны.

А ещё с подружками, по её словам, лазили и шарахались, куда ноги унесут, лечили кошек, собак, птиц: устроят лежанку в укромном месте и старательно, с жалостью и любовью – зелёной, бинтами...

Как уже говорилось, к выпускным школьным экзаменам проблемы со зрением обозначились серьёзно: очки с толстенными линзами, ограничения по урокам физкультурой, но Ирина

продолжала ходить на общие занятия класса. Причину ухудшения здоровья медики установить не смогли, а если нет диагноза, что и как лечить?!

Неведение и регресс действуют угнетающе: беспомощность, порой панические состояния, слёзы. Но надежда и, так уж мы устроены, органическое стремление прорасти в жизнь, дают глоток воздуха, а порой и спасают. Однако для этого надо иметь характер – у нашей героини он есть. Крепкий.

Так промыслили небеса: Ирина решает продолжить обучение и получить высшее образование, уезжает в город на Неве и поступает в Ленинградский педагогический институт имени Пушкина, учится на социального педагога. Состояние здоровья ухудшается, зрение падает критически, появляется болевой синдром. Питерские врачи после обследования обнаруживают опухоль. Драматическая новость сковывает, вселяет ужас. Но хирургическое вмешательство может спасти девушку.

Ирина готовится к операции. Доктора сразу предупредили: зрения не вернуть, а среди осложнений – возможная потеря интеллектуальных способностей. Родители поддерживают дочь, как могут, продают трёхкомнатную квартиру, чтобы оплатить и операцию, и последующую реабилитацию.

Операция длилась восемь часов. Опухоль удалили. Но Ирина впала в кому, тело разбил паралич.

«Я почти никогда не рассказываю об этом, не вспоминаю, пусть остаётся в прошлой жизни. Слава Богу, оставил разум», – Ирина как всегда собранна и не впускает в интонации чувств.

Да, я расспросил её о тех временах и событиях с целью, чтобы тот, кто будет читать, незрячий или видящий, тот, кто стал инвалидом, или тот, кому предстоит поддерживать, помогать, не отчаялся в трудную минуту, не пал духом, бился, карабкался, лез... Ради этого задумана Валентиной Викторовной Тюгашовой, директором областной библиотеки для слепых, и написана мной книга очерков.

Период реабилитации длился год. Ирина восстановилась в институте. Ей помогали всем миром: родители, друзья и однокурсники не дали пропасть. Куратор, декан Людмила Ивановна, поддержала, подвигла продолжать учёбу. «Я всем, кто участвовал тогда в моей жизни, безмерно благодарна, всем сердцем, всей душой, – рассказывает Ирина Александровна. – Это стало моим вторым рождением. Второй жизнью. Другой.» А слова врача, которые явились главным толчком и девизом на долгие годы, помнит и сейчас: «Если сейчас возьмёшься за себя, ещё поднимешься. И будешь жить. Это в твоих руках. Даже для родителей, которые в тебя за этот кризисный период вложили ого-го сколько!» Взялась. Купила и всю пользовалась диктофоном, встраивалась, как могла. В итоге получила диплом. Но поняла, что с инвалидностью работать по специальности ей будет трудно.

Девушка решает получить новую профессию: с подругой едет в Кисловодск – медицинский колледж, окончив который, выйдет медицинской сестрой по массажу.

Всё шло своим чередом, вроде, как помнится героине, ничем особенным на физкультуре не отличалась, но учитель заметил её, что-то в ней увидел и предложил нескольким девушкам, в том числе Ирине, поучаствовать в отборочном турнире: кто победит, тот поедет выступать на краевые соревнования по лёгкой атлетике в Ставрополь. Демасова не отказалась, более того – дальше всех прыгнула, дальше толкнула ядро.

«Ну, съезжу, – подумала девушка, – поучаствую». Кстати сказать, она, и живя в Норильске, школьницей, до болезни спортом не занималась, в секции не ходила. Обычная физкультура в рамках школьных уроков: прыгали через козла – сигала, играли в гандбол – дралась за мяч и тому

подобное. Но и новые реалии пока никак не повлияли на мировоззрение Ирины, не изменили жизнь, а она заняла 1-е место по Ставрополью.

Так и ездила выступать за колледж три года подряд, брала призовые места. И вот на третий год попробовала на зуб, точнее на руки, армспорт. Результат: правая рука – 1-е место, левая – 2-е, колледж в командном зачёте занял верхнюю ступень пьедестала. Тогда Ирина испытала новое чувство: на душе радугой пролились гордость и радость от того, что ты, ты лично внёс вклад в общую победу. И медаль, теперь точно «на зуб», вкуснее, «золотее», – вот оно, зёрнышко спортивного азарта.

А пока занятия в колледже шли как обычно: играла в КВН, и сцена с художественной самодеятельностью – тоже в охотку. Но обучение закончилось, Демасова возвращается на Север, в Норильск. Конечно, и на Севере люди живут, но Ирина посчитала, что в климате помягче жить ей будет комфортнее. Отец Демасовой родом из Сызрани, и лет через пять Ирина переехала на свою малую родину.

Здесь вступила в общество слепых. А тут как раз городские соревнования. В Сызрани есть спортклуб, объединяющий инвалидов не только по зрению, но и глухих, опорников, словом, для всех двери клуба открыты, а тренеры знают подходы к людям с ограниченными возможностями. Потренировалась и взяла первые места по лёгкой атлетике и армреслингу. И её выдвинули на областные.

На занятиях в клубе Демасова узнала о пауэрлифтинге. Этот спорт приглянулся девушке, начались тренировки. Ирина улыбается: «Мне сказали, что, если поднимешь мешок сахара, возмём на спартакиаду».

2 апреля, 2024 год. Челябинск. Легкоатлетический манеж СК «Олимп»

Вечером на мандатной комиссии руководство команды оформило заявку на участие, как положено по регламенту, спортсмены прошли взвешивание, проверку экипировки: обмер согласно принятого стандарта, пояс, напульсники и наколенники, обувь, которая для тяги специальная. Команде выдали график соревнований – Ирине предстояло выйти на помост 4-го апреля.

4 апреля 2024 год. Челябинск. Легкоатлетический манеж СК «Олимп»

Сосёт, где-то внутри, подгоняет кровь – та уже рвётся в бой. Волнение. Эмоции бывают разные: одни – цвета предательства, другие – победы. Первые идут под руку со страхом, вторые – со спортивной дерзостью, азартом, самообладанием. И здесь есть тонкость, грань: если слишком сильно и долго волноваться – перегоришь, если не волноваться совсем – сдашь позиции, провалишь и то, что наработал, потому что именно волнение на уровне химии, гормональных выбросов организм мобилизуется и получает психофизические силы для решения экстремальных задач.

Ирина балансирует на нужной тонкой грани. Идёт разминка, та самая психическая настройка. Рядом тренер.

– Соберись. Ты можешь. Ты всё это делала на тренировках. Слушай команды.

Да, техника отточена, страх, который съедает силу, развеян и больше не подступает. Скоро прозвучит её фамилия, объявят выход. Ожидание, длиной в коридоры, минуты липнут к рукам и ногам, лица вокруг – будто не всерьёз, но какие-то слова отрываются из чужих разговоров и нелепо прилипают на дисплей сознания, да, больше где-то видятся, чем слышатся.

Для Ирины, так она устроена, главное взять первый подход. Они с тренером определили: первый подход – тот вес, который, разбуди тебя хоть среди ночи, ты делаешь десять-пятнадцать раз. Должен сделать. Так подбирается первый вес. Иначе, если получаешь «ноль» в любой из дисциплин троеборья – вылетаешь из чемпионата. Поэтому рассчитываешь силы, свои возможности по опыту тренировок. Как только первый подход сделан, вес взят,ходишь в раж, набираешь обороты, крепнешь с уверенностью и телом. Так у Ирины.

Но всё равно ощущение – как в первый раз, по-новому. На максимальных весах организм сам может включить инстинкт самосохранения, активировать защитные реакции. Хитро устроено.

Второй подход – идёшь для тренера, результат, ожидаемый тренером, им «взвешенный», продуманный из данных тренировок и текущего состояния спортсмена, приближённый к победному.

Третий – риск. Проверка себя по максимуму, преодоление, мобилизация сил и духа. Новая для тебя точка бытия здесь и сейчас.

Намотаны напульсники, надет пояс, руки – в магнезии. Вот-вот выход... Есть. У-ух! Пошла.

Гулкий зал, там – судейский столик, вот и помост. Выполнять приседание со штангой. Здесь нужно и присесть глубоко, но и не завалиться так, что не встанешь. За техникой следят судьи и нередко командуют: «Глубже!»

Вдох-выдох-вдох-задержка-ап! Держать взятый вес, держать! За этим тоже следят.

130 кг. Есть. Второй – 135. Ай, молодца! Третий – 140. Как было задумано с тренером.

30 минут перерыв.

По разнарядке в команду входили три инвалида по зрению, три – по слуху и три опорника, также определялось количество мужчин и женщин. «Сорок килограммов выжала – мне понравилось, – делится Ирина. – Стала осваивать троеборье. Да, на той спартакиаде, когда объявляли спортсменов, назвали Виталия Майера, известного титулованного спортсмена-пауэрлифтера в спорте слепых, и мой интерес укрепился, возрос».

В 2013 году, на чемпионате России, она заняла 3-е место по жиму, и ей предоставили место в секции по пауэрлифтингу здоровых. Ирина погрузилась в спорт глубоко, интенсивно, более требовательно к себе и вдумчиво, более профессионально. И уже весной выступила – да, это спорт – проиграв всего два с половиной килограмма, она занимает второе место. Это были отборочные на чемпионаты мира и Европы.

«Мне было важно поучаствовать, проверить себя и психологически, и физически», - вспоминает Ирина. А на общем собрании после соревнований старший тренер объявил, что Ирина Демасова включена в состав сборной. «Так начался мой путь», – заключает Демасова. И до сих пор благодарна тренеру за внимание и доверие.

Первые соревнования за сборную России – Турция. После выездных сборов, где тренировались в особом режиме, команда из двадцати двух спортсменов, приехали в турецкий Кемер. Настолько всё было ново, невероятно – ущипните меня! - что не верилось. Каждая представительница страны выступала в какой-либо категории.

Всё что тренер и Ирина планировали сделать, показать на соревнования, девушка сделала. Её тихий восторг слышится в голосе:

– И когда стоишь на пьедестале, форма с государственным гербом, звучит гимн России и поднимается флаг страны, то тебя переполняет! Трогательно. Сильно! Ух!.. Это было моё первое место в чемпионатах мира и Европы.

Раз в пять лет проводятся Всемирные игры спорта слепых. В 2015 году они получили временную прописку в Сеуле, в Корее. К тому времени Демасова уже была чемпионкой России по троеборью. Здесь Ирина устанавливает свой первый мировой рекорд в жиме штанги лёжа – 100 кг!

Большая разница во времени (семь часов), другой пояс, почти шесть тысяч километров от Самары по прямой, долгая нудная, изнуряющая дорога (16 часов, через Абу-Даби и там три часа). Конечно, нашим спортсменам было трудно адаптироваться, настроиться на соревнования. Но Ирина справилась. Ей так хотелось выжать трехзначную цифру... И флаг, и гимн России подняли в юбилейный день Победы! 9 мая вышла на помост Ирина! Особый вкус победы! И с волонтером она обменялась на значок Всемирных игр, подарив георгиевскую ленточку! Запомнилась поездка и отличной, олимпийского уровня, организацией, даже медали как олимпийские, приплюсуйте победу – праздник спорта! Полёт души.

Ирина говорит, что особых секретов тренировочного процесса у неё нет, как нет специальной диеты или модели образа жизни. Ест как обычно, следит, чтобы белка было в достатке, микроэлементов и витаминов. Главное, считает спортсменка, тренироваться систематически, без прогулов, иначе сразу – назад, и, получится не расти, а догонять. А выполняя те или иные упражнения, конечно, следит за правильной техникой по ощущениям тела – зеркала-то недоступны.

«Моя главная соперница – штанга. Найдёшь к ней подход – вот и секрет. – признаётся Демасова. – Я соревнуюсь с ней: взял вес – это твоя, прежде всего, внутренняя победа!»

Конечно, бывает что-то с настроением на тренировках или на соревнованиях, бывало, приходилось выступать с температурой. Тут уже не мышцы – сила духа, умение сконцентрироваться на главном, на цели, они выручают.

4 апреля, 2024 год. Челябинск. (Арена)

30 минут перерыв. Первую радость надо чуть пригасить. Снова настройка, эмоциональная, сначала в равновесие, потом в свободную сильную пружину, настрой тела, которое как наощупь пробуешь ощущениями, прислушиваешься, ищешь и взбиваешь силу.

Три подхода на жим тоже прошли в плановом режиме. Нельзя впускать расслабление, а оно предательски просится. Нет, напряжение работавших мышц – другое дело, тут и сама, и тренер помогает. 30 мин заканчиваются. Становая тяга.

Тренер подбадривает:

– Всё идёт как надо.

Ирина поймала своё состояние, состояние уверенности, возможности и крепости тела, послушности мышц. Не упустить.

Объявляют...

Штанга перед глазами. Руки ищут то оптимальное место, чтобы обрести идеальный разбег, чтобы геометрия тела, внутренняя пружина, сила, вознесли эту тяжесть ввысь, и, прежде

чем ухватиться, словно встраиваются в гриф, чтобы хват, ты и она, штанга, стали одним целым.

И – ап! Первый подход есть! 165 кг.

Второй – опять по плану. 170 кг.

Это победа, медаль и титул чемпиона. Можно остановиться.

– Я пойду. Чувствую, что могу.

Она имела в виду третий подход и больший вес. Ирина ждёт от тренера ответа, но тот какое-то время молчит.

Не чувствовала. Явно не чувствовала, но предощущение где-то в подсознании допускало возможность взятия большего веса. Тот самый риск! Да, он. Проверка себя, так важная для Ирины, её спортивное чемпионское эго.

До этого момента тренер ни разу не вспомнил про её болезнь, ни в один из предсоревновательных дней, ни сегодня, чтобы не встряхнуть градусник настроения, чтобы не заронить соринку, даже пылинку сомнения. Ирина зимой слегла с тяжелой пневмонией. Выходила трудно, полгода не тренировалась. Тут одна-то пропущенная тренировка откатывает назад, что говорить про шесть месяцев?! Теперь заговорил:

– Не будем рисковать. Ты болела не так давно. Не надо. Ты уже на пьедестале.

– Давайте попробуем. Давайте, ну?

172, 5 кг. Вес взят. Новый личный рекорд. Рекорд России. Было легко на помосте? Нет, не было. Пришлось побороться, включить все ресурсы с отчаянным напряжением сил. В этот раз она опять одержала победу над ней, своей главной соперницей – штангой. И впустила в сердце радость. Заслуженную.

В этом году Ирина зафиксировала два рекорда России. В троеборье в становой тяге – 172,5 кг! Хотя мировой рекорд – 168 кг. Но поскольку рекорд установлен на российском помосте во внутренних соревнованиях, то мировой рейтинг не учитывает взятие нового веса. В этом же 2024 году подтвердила статус самой сильной женщины-спортсмена России в спорте слепых – абсолютной чемпионки. Также на чемпионате России по жиму – ещё один рекорд 123 кг, ей же принадлежит мировой рекорд в этой дисциплине, установленный 2019 году? – 120 кг в Египте. Тогда Ирина получила один из самых дорогих для неё призов, статуэтку Нефертити. Признана абсолютной чемпионкой мира по жиму, и теперь в России подтвердила свое высшее положение.

Сейчас Ирина Александровна Демасова, не оставляя спорта, решает проблемы, участвует в жизни инвалидов по зрению на вверенной территории. Одно из направлений – гранты. Продумывает. Пишет. Получает.

Четыре уже воплотили в жизнь, из них – социальный туризм, грант по реабилитации и адаптации инвалидов по зрению. Закупили адаптивные настольные игры, плееры, трости и наконечники к ним, которые часто ломаются, лупы, адаптированные ножи, умные колонки музыкальные, бытовые приборы с голосовым информатором: кухонные весы, датчики определения уровня воды, тонометры и прочие полезные примочки и гаджеты, облегчающие быт. Поскольку всех нуждающихся наделить не получается, смысл проекта – бесплатный прокат, пока человек не обретёт собственного.

О талантливом, сильном, цельном человеке писать интересно и ответственно. Однако не только вехи жизненного пути, страницы биографии или достижения, которые, безусловно, важны, привлекательны для писателя: взгляд на мир и мир внутренний, движения души и сила, подвиги духа не менее важны и достойны внимания. О Демасовой можно говорить много, говорить с восхищением и удивлением, учась и соучаствуя. Жаль, но многое по разным причинам осталось за кадром: сущее, что имеется сейчас и радует, прежде всего, – послевкусие от общения с Ириной, приятное, долгое. Тем и живём.

Дорофеевская лыжня

Вольно дышится, тонко, легко под бескрайним небом над Рождествено, в просторах большой воды: здесь быстрая частушечная Воложка вплетается пенными космами в степенную песенную Волгу. И летит взгляд, летит, и не достать им края – края-то будто и нет вовсе, а ты мал в огромности этой, а уютно, тебе, покойно. Крепко.

На берегу – трясогузка, чёрно-голубенькая, вроде как неудобно ей так гузкой трясти то и дело, а вспорхнёт – за любой мошкой угонится, прыткая, вёрткая! От села – коровы на разные лады: стадо гонят, тут стар и мал, верно, с хворостинами свою скотину высматривают, встречают, а то упрётся в поле, обожрётся, гоняй её потом, а нет, так сдохнет, кормилица. А петухи-то вперекрик! И дымком веет от села: где баньку подтопили, где еду готовят, вкусный дымок, как есть, вкусный.

Здесь любит рыбачить Сашка. Лодку привязал на берегу, сел на корму: и поглубже малость, и поплавок далеко закидывать не надо – тут под боком его видать, поведёт ли, юркнет вниз или ляжет. Непросто пацанчику с таким-то зрением: левый глаз совсем не видит, правый – чуток. Но рыбалку малец любит так, аж ни с чем не сравнить!

Солнце – к закату. Красное. Небо, ещё недавно прозрачно-голубое, далёкое, теперь напомажено алым, и легло там, у горизонта, на землю. К бабке не ходи – быть ветру. Может, и дождь нагонит. На вечерней зорьке – самый клёв. Только не зевай. Червей в банке травой забил, не то выползут, и таскает себе плотву за плотвой. Рыбы много. Прикормил опять же: вон три кусочка хлебушка на глади подрагивают – малёк щиплет.

Часок посидеть можно. А что – дела сделал: младшеньких братьев накормил, читать-писать поучил, как смог, сказку просили – почитал... Смешная. Наша, про козу и козлят, но киргизского издательства со смешными непроизносимыми именами героев. Булды-мулды... Воды с утра натаскал... Вспомнилось, как бочку, больше него весом, на тележке заливал вёдрами, полней, полней, покатыл назад, а та на ухабистой дороге, как Ванька-встанька, как неваляшка на любой кочке-ямке норовит в сторону! А Сашка, хоть и высок, так шупленький, в чём душа теплится, туда-сюда удержат бочку-то. Удержал. И другой раз. И третий. А вода-то всё одно – хлюп через край, хлюп в песчаник и нету. Обидно. Прямо треснул бы по ней! Уж так хотел побольше воды привезти. Привезёшь, а потом из бочки ведрами в другую... опять расплещешь. А руки сохнут. Пять раз сгонять надо, с утра, чтобы к вечеру на полив вода согрелась...

Пацаны купаться убежали, а ему с мелкими сидеть: кормить, приглядывать. А куда деть: родители на работе, старшая сестра в Самаре, учится. На нём, на Сашке, хозяйство. Вот и хозяйствует, пока родители не придут, а как они на порог – сдал вахту и свобода! Купаться, рыбачить... Вот и сидит, довольный. Рыбачит...

Вспоминает детство Александр Константинович по-разному, то с радостью, даже озорством, то с грустинкой: «Грустное детство было. Болезнь зрения. Сидел на первой парте, в среднем ряду, а толку-то – доску нормально не видел, переспрашивал, подсказывали, конечно. Как-то не по себе. Свободы это не прибавляло. Отец хотел меня вылечить, возил по врачам. Клади на месяц и больше в больницу, нет, не операция – лечили: кололи уколы, таблетки, капли. Но бесполезно. Мальчишки все на речке, а я в больничной палате. Жили тогда не очень обеспеченно, питались с огорода, стол дома не ломился, вот меня и отправляли в пионерлагерь. А как мне там? Тут в селе – воля, хоть и работы, дел много. А там – режим, линейки, тихий час, ни тебе купаться одному, ни на рыбалку, ни костёр разжечь да картошки напечь. Как ссылка...»

Но тут Дорофеев вдруг оживает, прибавляет в голосе: «А какие у нас праздники были! Пасха, Первомай, Рождество... Всем селом гуляли, да как! Если славить, колядовать идёшь, надо встать пораньше: первому и конфеты лучше, и больше дают!»

На одной улице с Дорофеевыми жил председатель сельсовета. Пошел Александр по селу в праздник на Пасху: яйца все красят, подают щедро в прибавку с конфетами. А был он тогда в своём классе отрядным пионерским вожакom. Идёт нарядный, в алом галстукe на шее, с пионерским значком на рубаше. Навстречу председатель, коммунист, раз руководитель. Увидел Сашку, глаза выпучил, потом спрятал, потом огляделся: ты, говорит, галстук-то пионерский хотя бы снял, раз славить идёшь, а то как-то... А потом – к тётке, на пироги! Таких волшебнo вкусных, сколько ни ел, нигде не встречал, сказка. И с собой даст. Жили-то не то, что небогато – и голодно бывало. Первый лук на палец вылезет – тайком пёрышко хрусть, жуёшь: слаще сладкого! Мать помаленьку продавала на рынке в Самаре, что огород даст.

Но не только детвора славилa-колядовала по дворам. Был на селе богатырского вида мужик с громогласным, под стать виду, голосом, за который получил прозвище «поп». Ну и подносили ему, конечно, не конфетки. Любил он это дело. Если в ворота усадьбы въезжал медленно, но тютелька-в-тютельку, снайперски, но тут же оставлял машину и не выходил, домашние знали: готов. Подходили, открывали дверь кабины, а оттуда кулём с дустом вываливалось никакое тело. А утром – вышибал «поп» все окна в доме, на этот случай у него ящик со стеклом был припасён. Такая причуда.

Как-то Сашке купили домашних голубей – выклянчил-таки! Очень хотел, долго выпрашивал – любовь такая к птице чудной. Белые-белые, красивые, как сама мечта. Выхаживал, выкармливал, до поры в небо не выпускал. Подумал – привыкли к дому. Поднял со свистом и прихлопом в ладоши, а в выси – стая чужих, с другой улицы. «Мои к ним пристали и – прощай! Всё: у нас прибавшихся не возвращали. Это потом мне сказали, что стаю свою побольше иметь надо, и выпускать с оглядкой. Страдал, плакал. Больше не заводил», – сокрушается Дорофеев.

Помнятся эти картинкИ детства, одни – с улыбкой, другие – щемят сердце...

Если бабушка Аня звала «в горы», это означало вкусное, по ягоды, которыми тут же можно было пригоршнями набивать рот: малина, дикие вишня и смородина. Если отец велел собираться за дровами, пахло трудностями, трудом и, иногда, страхом. Добираться надо было до гор, в Шелехметь или рядом. Несли с собой топоры-пилы, еду. Более лёгкая ноша доверялась Саньку. Ходили за 7-8 километров. После перехода и работы, где и мальчишке без дела не сидеть, есть хотелось до урчания в животе. И тут отец варил полевой суп: топилося сало (мясо по жару не потащишь, да и не всегда имелось), в бульон бросались картошка, лук, и – что придавало сытость и вкус – пшено. Дорофеев словно секрет раскрывает: «Я этот суп до сих пор и на вкус, и на запах, и если случается, кто-то умеет его готовить и выпадает поесть, просто счастлив, с добавкой!»

Назад в село, если на машине – газогенераторные трехтонки, работающие на дровах, – кузов набивался с горой, на которую, на самую макушку, сажали Сашу. В движении гора дров оживала, как осёдланное чудище, норовила сбросить. Вот тут-то и вселялся в сердечко липкий, холодный страх.

Александр здесь, в Рождествено, родился и, как говорит, жил бы да жил. Но закончив в сельской общеобразовательной школе восемь классов и взяв в руки логарифмическую линейку (ничего не увидел!), понял, что продолжать учёбу или идти работать придётся в другом месте. Уехал.

Работу найти не мог, не брали. Пришёл за помощью в райком Волжского района – он был уже комсомольцем, здесь встретился с главврачом районной больницы. Она отвела паренька в райком партии – определили в школу-интернат номер 17 для слепых и слабовидящих детей. Учился, как признаётся, так-сяк: в обычной школе по Брайлю не учили, тут осваивать давалось с трудом. Не

успевал, отставал, писал долго. Но аттестат получил. О высшем образовании и не помышлял, думал, куда ему – не потянет.

Устроился на УПП-2, на Кряж, вязальщиком верхнего трикотажа. Восемнадцать лет – рабочий. За это время женился, родилось двое детей. Если выдавалось вклубиться в художественную самодеятельность или другое интересное культурно-общественное дело, случая не упускал. Не считая того, что был секретарем комсомольской организации предприятия.

Желание получить высшее образование крепло, Александр сам проштудировал школьную программу, которую когда-то проходил через пень-колоду. И хотя его не оставляло чувство, что поступление в вуз недостижимо, иностранный (немецкий) – единственное, что сам он не осилил. Однако узнал, что возможно, в некоторых вузах и без сдачи этого экзамена. И подал документы на юрфак без иностранного. Но уже после сочинения отсеялся. И год прошёл.

Когда работал директором клуба, поехал попытать судьбу в Ленинградскую школу профсоюзов – отказали. Затем направил свои стопы в Казахстан, соседний Уральск, – сказали, мол, у нас тут своих хватает. И лишь на четвертый год поступил в наш, Куйбышевский пединститут, на исторический факультет. Учился заочно – нужно было работать, обеспечивать семью. И благополучно получил диплом.

Руководство ВОС присматривалось к Дорофееву – энергичному, с задатками организатора, с опытом руководящей общественной работы и направило в столицу, и Александр стал слушателем института повышения квалификации ВОС по специальности «организатор промышленного производства». Жил в Москве – учёба была с отрывом от производства – учился, вникал. Оттуда вернулся, занял должность замдиректора предприятия УПП-2 по воспитательной работе, где прежде много лет трудился вязальщиком.

Клуб, комсомол, парторганизация, проведение вечеров и экскурсии, выезды на природу, в лес, или на песчаный пляж речки Кинель, походы и участие в жизни того, кто попросит о помощи – всё это оказалось на попечении Александра Константиновича. Работа знакомая: многолетний опыт секретарём комсомольской организации, член райкома комсомола и областного правления ВОС – в руку.

А в областном правлении тем временем деловитого Дорофеева уже прочили на должность заместителя председателя. Приняли, поработал. И вернулся на родное предприятие уже директором.

Он вспоминает: «Наш трикотаж делался из хлопка, получался хороший и недорогой, поэтому продавался на ура. Гамаши, свитера... И полушерстяные вещи выпускали. Изделия из чистой шерсти стоили дорого, расходились слабо. Но тут СССР подкатил к пропасти, и у предприятия начались проблемы». Поставки хлопка из Узбекистана сокращались, да и с покраской тканей стало сложно. Надо было что-то решать. Дорофеев искал выход. Так будет в жизни много раз, когда, словно в нетронутom снегу, надо проложить, пробить лыжню.

Предприятия системы ВОС, которые работали на автопром, имели выгодные заказы, объёмы, прибыль и свои средства, а работники там получали более высокую зарплату. Арзамасский завод сотрудничал с ГАЗом. Дорофеев искал решение: «Мы хотели наладить поставки на ВАЗ. Но тольяттинцы построили завод по выпуску жгутов на Украине, который лоббировал один из топ-менеджеров – нам было не пробиться».

В это время на первом предприятии работало 800 человек, на втором – 130.

ЭТО РАНЬШЕ?

Ещё в 1976 году строится огромный четырёхэтажный производственный корпус, как ранее планировалось, под картонаж, для производства коробок. Московская комиссия, осмотрев здание, резюмировало: нет, под коробки такую роскошь – не пойдёт, да и экологию в жилом районе попортит. Строение находилось в районе Дома молодёжи.

«Там рядом построили для нас два жилых дома. В стране очереди на жилье, а мы заселили всех нуждающихся, а две квартиры остались. Долго стояли пустыми. Так жили.»

В том корпусе запустили производство печатных плат для телевизоров, радиоприёмников. Из них собирался готовый блок, электронная начинка – ставь кинескоп, блок питания и в продажу. Работали для Куйбышевского завода «Экран», выпускающего телевизоры «Каскад».

В начале 80-х Дорофеев переходит на это предприятие: «В эпоху перестройки и начала конца прежних экономических платформ и связей, в город приезжает руководитель страны Михаил Горбачёв и заявляет: «Мне женщина пожаловалась, что ваши чёрно-белые телевизоры плохого качества. Под этим соусом на «Экране» сворачивают производство, а у нашего завода забирают эту работу, не дают заказов. Но в это же время, по воле того же Горбачева, распускают ЛТП (лечебно-трудовой профилакторий для принудительного лечения алкоголиков в СССР), которые выпускали жгуты для завода «ЗИЛ». Меня вызывают в Москву и предлагают запустить на своих площадях эти изделия».

В который раз Александру Константиновичу предстояло с нуля начинать новое дело. Сколько их было, этих новых начинаний – не счесть! Но нельзя испугаться, нельзя отступить. Да какое там – интересно ему было освоить, поднять, усовершенствовать и добиться результата. Да, результат – не премии и награды, результат приносил удовлетворение и радость, смысл жизни и оправдывал усилия. И он изучал, въедался в тему, разбирался дотошно, подводил производственную базу: приобретал оборудование, внедрял технологии, искал специалистов.

Поехал в тюрьму, в Липецк, посетил Владимирский централ – там изготавливали жгуты. Посылал людей учиться в Москву, в Димитровград. Закупил оборудование.

Тогда сумели все поставки на ЗИЛ забрать себе: и «Москвич», и ЗИЛ-130. Прихватили «ЛиАЗы» – автобусы Ликинского автозавода (Подмосковье), которые бегали в каждом городе в огромных количествах. Это и был результат. Не спали ночами, не знали выходных. Он был требователен к людям и к себе, порой жёстким, да и задачи стояли не пластилиновые.

Дорофееву приходилось не только постигать тонкости производства, порой нужно было встраиваться в изменения экономики, сложившегося хозяйственного уклада, чтобы на повороте истории страны не вылететь на обочину или вообще в кювет. А наступили времена хозрасчёта, бартера, самостоятельного поиска способов реализации продукции и получения прибыли: социалистическая плановая экономика уходила в прошлое.

Так в ногу с отечеством в новую историю шагнули и Дорофеев, и ВОС в целом.

«Городское транспортное предприятие не могло купить автобусы, те самые «ЛиАЗы», очередь за ними по стране стояла та ещё, – рассказывает Дорофеев. – А нам за жгуты по бартеру платили этими автобусами. Мы их отпускали городскому автотранспортному хозяйству, которое, в свою очередь, рассчитывалось с нами живыми деньгами. Такая схема любопытная».

В это время Александра Константиновича выбирают в члены совета директоров, членом Центрального (российского) правления ВОС, избирают депутатом облсовета, последнего перед упразднением и сменой структуры государственной власти.

С гласностью и экономическими свободами в стране открываются границы. Делегация французского общества слепых приезжает в Россию: патронаж – шефство или обмен опытом – не

имеет значения, они колесят по московским предприятиям ВОС, потом посещают Самару, и что-то им на волжской земле приглянулось.

Французы пригласили нашу сторону в Европу, да не только во Францию. Дорофеев в рамках этого проекта побывал во Франции, Германии, Италии, в Англии, точнее, в Шотландии. Российской делегации показывали работу инвалидов и предприятий, банков, социальных институтов. И первое, что поразило, это кредиты под 3-4%.

В Шотландии делали мебель, во Франции производили полотенца, показывали предприятия, изделия которых были схожи с продукцией российских волжских производств, в частности жгутов. И это было неожиданно ново, по-другому! Техпроцессы отличались разительно.

Дорофеев в восторге и в новых планах: «Мы задумали перейти на французскую модель работы. Если у нас на определенную операцию уходит 5 минут, то у них – 1-2 секунды. Автоматизация. Один станок выполняет работу трех-четырех незрячих. И качество на выходе значительно выше. Так у нас штамповался контактный наконечник, а у них обжимался, опрессовывался. Печатные платы у них делал робот-конвейер. А куда девать работников, людей?! 70 человек заняты у нас на производстве – всех на улицу? Чуть не заплакал. Но наши специалисты меня успокоили: требования по допускам у них и у нас настолько разные, что не все линии получиться у нас внедрить».

Тем не менее, Дорофеев, по его словам, стал «клянчить» у французов автомат. Те в свою очередь, понимая особенности нашей промышленности, ответили нет, мол, вы его не настроите, стоять будет. Но полуавтомат выбил и привёз: станок нарезал провода, зачищал и опрессовывал.

Оборудование покупали тогда на свои деньги. Льготы, такие как отсутствие налога на прибыль, и компенсации ещё сохранялись: успели приобрести восемь автоматов. А дальше – чёрная полоса. «Демократы» разворовывали ресурсы и рушили экономику – всем стало не до инвалидов. ЗИЛ развалился, заказы на автобусы сокращались, вскоре вовсе прекратились. Все четыре предприятия ВОС в Самарской области несли убытки и оказались на грани закрытия. Восемь лет их поддерживала область. То украинское предприятие по выпуску жгутов, которое снабжало ВАЗ, столкнулось с проблемами, и тольяттинцы стали искать нового поставщика. Им выступила Самарская кабельная компания, не имеющая своих производственных мощностей, и разместила заказ на предприятии ВОС. «Мы стали субподрядчиками. Работали пусть и без прибылей, но люди хотя бы зарплату получали», – сетует Александр Константинович.

Ростовские предприятия делали жгуты на «шестёрку», самарцы поставляли комплектующие на «четвёрку» и «пятёрку». Руководство «Самараавтожгута» ходатайствовало, чтобы в Самару передали всю «классику», но, по воспоминаниям Дорофеева, в Ростове было организовано теневое производство, они были монополистами и могли вообще способствовать остановке «шестерочной» сборки. Ничего не вышло.

«Позже мы добились того, что из субподрядчиков перешли в прямые поставщики, но на грабительских условиях: закупки у нас совершались по предельно нижней цене. – Дорофеев вздыхает и продолжает, – рентабельность в бытность работы с ЗИЛом составляла 30-40%, а теперь – 1% или в ноль!»

С болью в сердце закрыли филиал в Сызрани, Чапаевске, в Оренбургской области (в пору успехов Москва передала этот завод под крыло Самарского ВОС). На ладан дышали. Перешли на трёхдневку, зарплаты упали.

Дорофеев написал письмо президенту Путину. Рассказал, что есть оборудование и технологии, специалисты и наработанный опыт, что людей придётся выставить на улицу. Коллектив подписал. Письмо дошло. Был и ответ. Главная мысль простая: приеду, разберусь на месте.

Ожидание главы государства поставило всех на уши: суета-беготня – люди из министерств и ведомств, губернские чиновники «засучили рукава». «Засучили». Особо ретивые и опытные в аппаратных играх, дабы стрелочки перевести, подбрасывали тень в полдень, типа, а не сам ли Дорофеев довёл до такого состояния предприятие.

А предприятие и впрямь находилось в аховом состоянии. Денег свободных долгое время не было – значит и ремонта здание не знало, всё было запущено и выглядело удручающе.

Организовали штаб. Дорофеев не уходил с работы, там ночевал. Нагнали строителей-ремонтников, которые работали в три смены ударными темпами: одни валились с ног, заступали другие. Снег со двора вывозили – более 70-ти рейсов груженые с горой «КамАЗы» сделали. До травы убрали. Кто-то поусердствовал курам на смех: может, траву покрасим, зелёненьким освежим, нарядно будет. Ага, в феврале-то. В здании появились подвесные потолки, полы сделали, стены в порядок привели, словом, всё, что можно на скорую руку.

Президент не приехал, однако доклад, что вопрос решён, получил. А «Самараавтожгут» – объёмы на «Ниву». Этому предшествовало совещание у губернатора, на котором вопрос о размещении заказа ВАЗом на УПП-1 по оснастке жгутами «Нивы» был решён в пользу инвалидов.

«Нива» – одна из самых ходовых моделей, покупаемых как в России, так и за рубежом. Выпускается масштабно. Договор с ВАЗом залил фундамент, на котором новый старт открывал яркие горизонты. «С тех пор мы стали оживать, подниматься, встали с колен на ноги», – вспоминает Дорофеев и молчит, что всю эту кашу заварил он, и в том, что потом поднимали всем миром, что решали и выполняли, есть и его доля труда, упорного, с бессонными ночами, хождениями по кабинетам, задумками и их воплощениями. Такой он человек – результат для него, как красная тряпка для быка. Не просто результат – по возможности лучший.

Потом на ВАЗ пришло «Рено». И начался следующий этап. Как для предприятия, так и для Дорофеева: именно его, по-хорошему, вездливость обеспечивала внедрение нововведений.

«Я никогда один ничего бы не сделал? – признаётся Александр Константинович. – Только команда. Но команда – это слаженный организм, в котором каждая ячейка идеально вписана и также идеально функционирует. Меня окружают энергичные люди: директора по направлениям, заместители. Все талантливые, креативные, при этом ответственные трудяги, и о каждом я могу сказать только самые хорошие слова. И поблагодарить за работу. Я их подбираю тщательно, смотрю, кому какой участок доверить, а если у человека открываются новые интересы, провожу ротацию. Это люди, которые выросли на предприятии, знают производство. Так же и в правлении люди вокруг меня отнюдь не случайные – я им доверяю, уверен в них, и рад, что мы вместе делаем одно дело».

Он увлечённо рассказывал о каждом директоре и заместителях на производстве, о коллегах в правлении, каждого характеризуя как личность, приправляя короткими, интересными историями их пути, их дел и поступков, хоть кино снимай, и главным словом было слово «вместе».

Конечно, вместе. Но почему мы помним выдающихся государственных и общественных деятелей разных эпох, а учёные ставят вопрос о значении личности в истории? Это так, к слову.

Итак, «Рено» ещё на этапе подготовки производства стало внедрять свои стандарты качества. Коснулось это и производств ВОС. Дорофеев будто снова переживает нисходящие и восходящие пассажи чувств, обуревающие его тогда: «Французы повернули нам вектор зрения – совсем другой взгляд на качество. И то, что мы считали достойным, не вписывалось в их европейские стандарты. У них это называлось «управление качеством».

На завод приехал японец, специалист по качеству, попросил стандарты – процессы, описанные нашими на бумаге. Ознакомился. По своей шкале выставил 98 баллов из ста. Так делали и в России, только не выносили балловой оценки, и процедура по сертификации на том заканчивалась. Не успели самарцы порадоваться высокой оценке, как японец предложил «пойти в поля», на производство. В цехе он взялся проверять каждый этап работы по стандартам и... вычитать баллы за несоответствие. И их, баллов, из 98-ми осталось 5.

«Шок. У нас был шок! – восклицает Александр Константинович. – Мы взялись учить людей, установили строгий контроль, и последняя сертификация составила 65 баллов. По немецкой классификации это категория «В». В Германии есть шкала оценки бизнеса от «D» до «А». С предприятиями категории «D» серьёзные игроки там стараются не подписывать контракты, не работать. И мы сначала были в категории «D», затем перешли в «С». Сейчас на границе «В» и «А».

Второй показатель оценки качества – количество брака на миллион изделий. У нас было 30, теперь – 4.

Я давно взял качество под свой личный контроль, одних людей обучили, новых приняли, ежемесячные дни качества установили. Нас заметили в минэкономразвития – предложили внедрить программу «Бережливое производство». Я согласился.

Определили куратором японца. Тогда был ковид, общение шло по видеосвязи дистанционно. Организовали рабочее место по их рекомендациям, приняли тотально слепого работника. Они следили за тем, как он брал провод, чем, куда подвешивал, как пользовался инструментом. И если он производил конкретную операцию за две секунды, они требовали – одну. Они сами искали выход и решение, выходили на связь недели через две с новыми рекомендациями, а мы за это время воплощали их прежние рекомендации в металле, пластмассе, переоборудовании рабочего места. В результате на одном жгуте выигрывали 1,5 минуты, а было 5 минут».

А теперь помножьте, например, на сотню, тысячу жгутов. Да, так! Оглянетесь вокруг и скажете – это не для русских голов?! Так, может, потому и в...

Между тем Дорофеев не только совершенствует производство, внедряет новые позиции качества, но и сам получает диплом Международного института менеджмента ЛИНК по программе «менеджмент».

Эргономика рабочего места и техпроцесса значительно улучшились: и удобнее, и быстрее, и красивее. Если когда-то перед коллективом стояла задача выжить, то теперь – выйти на современный уровень. На предприятии всё кипело, крутилось, а планка совершенствования поднималась и поднималась.

Но в 2022 году «Рено» принимает решение уйти из России. Объёмы производства, понятно, должны упасть. Поставщики комплектующих из Германии и США (там делали некоторые виды жгутов) тоже прерывают сотрудничество. И конвейер встаёт. Но ВАЗ не готов сдавать позиции: всюду ищет новых поставщиков комплектующих, а прежним – готов передать разработку изделий с нуля.

Дорофеева приглашают в администрацию АВТОВАЗа и предлагают запустить жгут, который делали американцы. Он в восхищении: «Инвалиды совершили подвиг! Работали по 12 часов. Так, освоение технологии производства новых жгутов в среднем длится полгода, а наши работники справились с этим за месяц! Еще полгода нужно, чтобы запустить изделие в серию – специалисты «Самаравтожгута» серийную продукцию стали отгружать через три месяца. Прорыв! Как в войну работали».

Такой ответ на санкции, такое импортозамещение.

«Потом решили поучаствовать ещё в одном конкурсе. Российский фонд информационных технологий выделил нам грант (на условии софинансирования вторую часть средств мы внесли своих), и мы внедрили такую компьютерную программу, которая сама проверяет качество, и если оно удовлетворяет стандартам, дает команду на принтер – тот печатает бирку о готовности изделия. Не люди теперь проверяли, а без команды программы бирку никто не напечатает: итог – нет бирки – на заводе-заказчике продукцию не примут».

Ещё шаг. Создали отдел подготовки производства. Сократили машинное время, оптимизировали рабочие места. Вышли на КамАЗ, и в прошлом году вдвое увеличили объемы производства – у них нет вопросов к качеству изделий «Самараавтожугута».

Если раньше, в неплохие времена, по объемам производства выходили на 700 млн. руб., то теперь 1.5 млрд., средняя зарплата у инвалидов 50 тыс. руб. Хорошая бизнес-статистика.

Конечно же, за самоотверженный труд Александр Константинович отмечен множеством государственных, региональных, восовских наград и званий, среди которых «Орден почёта», Золотая медаль Петра Великого «За трудовую доблесть», Орден «За заслуги перед Отечеством» второй степени.

Для нас словосочетание «забота о человеке» стало пресным, обесцветилось за расплывчатым содержанием, часто скрывающем отсутствие всякой работы. В ВОС – не так. У Дорофеева – по-другому.

Он считает, что человек должен быть и социально вовлечен, и материально защищен. Тем более инвалид. «Поэтому на сегодня в правлении две главных задачи, касающихся трудоустройства. Первая – обеспечить трудом надомников, ведь кто-то может и хочет работать, но обстоятельства не позволяют ему выходить из дома. Вторая – организовать производство в Жигулёвске, Сызрани и так далее. Мы боремся за эту идею, подключаем администрации, даже площади в аренду нашли, но АвтоВАЗ пока не идет навстречу с размещением у нас новых заказов.

Другое направление. Как облегчить жизнь инвалидов? Доступность и внешние возможности. Государство на уровне законодательных институтов и ведомственных решений сделало первые важные шаги. Например, в здравоохранении есть приказ об установлении кнопки вызова на правом косяке от входа на высоте полтора метра. Но ещё внутренним приказом по учреждению закрепляется человек, который выйдет, встретит инвалида, сопроводит до регистратуры и кабинета врача. Кнопки установили почти везде, а вот сопровождающие не всегда есть. Работаем по конкретным жалобам, но так, чтобы не повторялось.

Такой же приказ есть в торговле – здесь ситуация ещё менее благополучная, доходило до исков в прокуратуру и судов, которые мы выигрывали. Сейчас бьёмся, пробиваем такой приказ по общественному транспорту.

Ещё такой момент. Для нормального качества жизни, социализации и собственной творческой реализации люди должны иметь возможность заниматься творчеством: художественной самодеятельностью, ходить во всевозможные кружки. И инвалиды с удовольствием включаются в эту деятельность. Но руководить такими коллективами должны подготовленные специалисты, и мы налаживаем диалоги с учреждениями культуры, чтобы нам присылали таких специалистов.

Спорт. Сфера не менее важная, чем вышеперечисленные. И надо признать, что среди инвалидов по зрению много выдающихся спортсменов в разных дисциплинах. Мы озабочены другим: доступность массовой вовлеченности – физкультура! Моя голубая мечта. Много дрались с министерством спорта по этому поводу. По нашим предложениям и настоянию создано отделение

адаптивного спорта. Есть специальный стол для игры в настольный теннис, есть адаптированная игра в городки, конечно, есть плавание, лыжи, но этого недостаточно».

Человек сильный. Его жизнь неразрывно связана с историей страны, с судьбой предприятий ВОС и самим обществом. Взлёты и падения, трудные решения, бессонные ночи, когда только твёрдость и последовательность давали результат. При этом чувственный: с болью переживал спады, радовался, если получалось. Вспомнилось: Дорофеев рассказывал про тот случай, когда возникла вероятность увольнения работников, голос его дрогнул, а сам признался – чуть не заплакал. Значит вся борьба шла не только за производство, а за людей. Вот он, характер, вот они, личностные качества.

Он – цельный. Обстоятельный. Продуманный, организованный и дома, и на службе. Для него не существует фразы «нет, не получится». В формуле его движения вперёд единственная постоянная: что мешает? Как сделать?

В молодости много занимался спортом: лыжи, плавание. Научился преодолевать себя. Через не хочу. «Это очень важно, это даёт настроенность, – признаётся Александр Константинович. – Самоорганизация – самое для меня главное. И до сих пор веду активный образ жизни. Тренажеры на работе и дома холодный душ».

Любит читать. Когда-то в библиотеке числился самым активным читателем. Дома библиотека большая. В людях ценит обязательность: обещал – сделал. К себе относится так же. Не любит хамов.

Дети и внуки – та часть мира, в которой ему комфортно, уютно и в радость. Две дочери. Обе – с высшим образованием. Елена – экономист, много занималась детьми. У неё двое детей. Старший Михаил – айтишник, владелец американской фирмы, которая там оценена довольно высоко. Младший Тимофей тоже в айтисфере. Оба продвинутые, толковые, талантливые.

У младшей дочери два высших образования. Юлия – кандидат юридических наук, успешный адвокат. У неё своя адвокатская контора. Также воспитывает двоих детей восьми и десяти лет, оба отличники.

Мягчает сердцем Дорофеев, когда рассказывает о домашних: «Я к детям и внукам отношусь благожелательно, всех люблю. В чьих-то жизнях и судьбах моё участие было более значимым, в чьих-то менее по объективным причинам, по тем обстоятельствам, которые складывались».

Старшему внуку сейчас за тридцать. Я практически вынуждал его. Поднял. Много, что вложил. Учил ходить на лыжах, плавать. Когда он повзрослел – подсказывал, как организовывать бизнес, как создать команду, как проводить планёрки. Он не воротит нос от моих советов. Мы дружили всегда, и в детстве, и сейчас. Я учил его игре в бильярд – теперь он меня обставляет. Так.

С другими внуками больше занимались родители, но я открыт всем. Младшему купил серию моделей машин, по одной дарю. Если получается – по выходным вместе. Загадки по-английски загадываю.

Внучку повёз в бассейн с солёной водой – она лучше держит. Та как приударила, не успеваю за ней. Говорю: «Какая настырная». Она: «Не настырная, а целеустремлённая». Радости с ними много.

По Кондурче на лодках сплавлялись – красота вокруг райская: вода прозрачная, рыб видно, берега в зелени. Чудо!

«У дочери частный дом. Хочу проложить лыжню по участку для внучки, пусть бегают, спокойно, никуда ехать для пробежки не придётся. Захотелось – вышла. Сил немного уже, не на всё хватает».

Отрывистые воспоминания, желания, как красочные мазки, открывают тот, другой мир, в котором есть дед, заботливый и внимательный, есть малышня или уже взрослые, самостоятельные люди, и в них, в их характерах, шагах по жизни, давно проложена ровная чёткая дорофеевская лыжня.

Под созвездием Пушкина

О светлом неведении

Степной ветер завывает где-то в крыше, поддавливает порывами оконные рамы, но дома хорошо, уютно. Сёстры пеленают на полу пупсов, а Леночка наложила горчичник любимой кукле, которую сшила мама: она красивая, с большим красным ртом и выразительными, чуть удивлёнными глазами. У неё смешные косички. У всех в семье косички. Вот Леночка вылечила куклу и может заплести волосы сестре: папа строго следит, чтобы дочери ходили ухоженными, с косами. И у мамы коса, сочная, длинная, аж до пояса.

– Леночка наша доктором будет.

От дыхания папы шевелится газета, он за столом с чашкой чая. Сегодня выходной и дети об этом знают, потому что вся семья в сборе.

Дочь не только кукол или игрушечно сестёр лечит, но и по-настоящему помогает маме, когда кто-то в доме вдруг сляжет с простудой: малины наведёт, соли в мешочек насыплет, чтобы раскалить на сковородке.

Мама, не отрываясь от вязания, говорит как-то загадочно:

– У каждого судьба своя уже написана.

Леночке шесть лет, она старшая из сестёр и не по возрасту смыслёная. Что-то тронуло девчушку в маминых словах, но она не торопится. Дождалась, пока все куда-то делись, присела возле мамы, локотки положила на её колени, посопела и:

– А что у меня написано?

– Где?

– В судьбе.

– Не знаю.

Ноет в крыше ветер. Рушатся ожидания и надежды, опадают подрубленным деревом, подступает комок к горлу.

– Знаешь! Но не говоришь!

– Правда, Леночка, не знаю!

Вот и слёзы, вот и взхлёб плач: «Знаешь, знаешь...». И даже тёплая, нежная мамина рука, которая легла на голову дочери, и та, будто тяжела, не успокоит никак.

Не знала. Иногда не знать – к счастью. Святое, светлое неведение. Потому и живёшь полно, неспешно, как устроено. И не надо никаких «если бы» – только измучают. Может, знал ветер казахстанских степей, который подвывал где-то под крышей и мыкал по степям перекасти-поле, как Леночкину судьбу неодолимое, с прописями обо всём, время?

И была Судьба. И было в ней написано...

Чуть-чуть мистики

Нумерология и сцена, преподавание и замужество, дети и переезды, счастье увидеть этот мир и болезнь, которая закрывает, спрячет в темноте тот

самый мир. И тогда нужно будет оглянуться. Чтобы по-новому смотреть вперёд. Идти. Жить.

Елена Викторовна заметила, что мистическая суть чисел существует, и в её жизни есть тому доказательство. Например, уехали в Казахстан Куди (девичья фамилия нашей героини) в 1959-м, а переехали в Россию в 1995-м (Зеркально, как говорит Елена Викторовна). Ещё: в дате рождения две тройки и две пятёрки (3 марта 1955 г.) По её словам, тройки – это дар лечения-врачевания и лидерские качества: «Эти тройки меня прут вперёд!», а в пятёрках – творческий потенциал, что реализует Кустова в полной мере по сей день. Про единицу и девятку она умолчала, а я будто не заметил.

Она искрит энергией даже в разговоре по телефону, в интонациях видится улыбка, а открытость и напор заражают. Находиться в состоянии покоя – не для неё. Разве только, когда сядет за вязание или разучивание новых текстов. Это не только позиция, спасительное мировидение, но теперь уже и потребность: раз вкусив и получив от своей реализации добрые всходы, практический результат, хочется ещё. Нормальная химия мозга, нормальный эффект социализации, нормальное состояние трудолюбивой души. Как там, у великих, точнее, у Николая Заболоцкого:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Казахстан

Куди, как уже говорилось, девичья фамилия Елены Викторовны, прибыли в Казахстан поднимать целину в 1959 году из Белоруссии, где и родилась Лена. Стоит напомнить, что в пятидесятые страна ещё не полностью восстановилась от последствий войны, да ещё серьёзные засухи 1952-53-х годов снова подкосили сельское хозяйство: урожаи зерна упали до минимума. Поэтому на весеннем пленуме ЦК КПСС 1954 года, с лёгкой руки первого секретаря Никиты Хрущёва, приняли постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». В намеченные области хлынул народ: специалисты, молодежь. Тогда в РФ и Казахстане распахали сорок пять миллионов гектаров новых земель (площадь иного европейского государства меньше!) Не будем говорить о научной целесообразности, последствиях, в том числе экологических, окупаемости этого скорее политического, чем экономического проекта – в те дни передовицы газет и ТВ-экраны страны задыхались от восторга в репортажах о новых трудовых подвигах. А их совершали, то есть просто жили и много работали, обычные люди, вроде семьи Куди.

Недалеко от города Аксая – посёлок Акбулак. Поселили их в щитовом доме на четыре семьи, позже переехали в двухквартирный, уже в другом посёлке. С соседями не просто ладили, а жили дружно: праздники вместе, помочь и

поддержать – с готовностью, как говорит героиня, ели из одной миски. Словом, прижились, пустили корни.

Отец, Виктор Антонович, шофёр, гордился тем, что дороги отчизны исколесил без единой аварии. Но умел не только баранку крутить: Куди-старший слыл отменным печником. Тонкости этого непростого дела знал: и кладку, и как колодцы вывести, и как поднять так, чтобы и грелась быстрее, и тепло держала, и угар не грозил. За три дня складывал – топи знай! Лена всегда крутилась рядом: как же такое чудо из ничего создать и оживить! То кирпич поднесёт, то полведра раствора. Однажды, летом после восьмого класса, отец хитро подмигнул дочери и повёз в город. Завёл в магазин, долго выбирал что-то, наконец удовлетворённо протянул коробочку:

– За помощь спасибо. Заработала.

Часы. Часики, красивейшие женские часики! И таинственное время, со всего космического пространства, поселилось на руке девочки в мудром, уже любимом механизме, а она чуть не каждую секунду проверяла: на месте ли это самое хитрое, непоседливое, вечно убегающее-настающее время.

А мама, Зоя Филипповна, а точнее – Зося, полька, рукодельница от Бога и немецких подружек, которые передали ей мастерство, обвязывала, обшивала, расцвечивала домашний мирок красотой. Ну и по хозяйству, своей вотчине, управлялась с блеском. Блеском полов, зеркал, посуды, накрытого стола и всего, чего касались умелые дружные руки.

Здесь, в Казахстане, Лена пошла в школу, окончила десятилетку, поступила на заочное в Уральский педагогический институт им А.С. Пушкина (папа рано умер, были ещё сестры, надо было содержать дом, а то бы непременно поступила на дневное отделение) и продолжала работать.

Здесь встретила будущего мужа: в посёлке Ембек («труд» в переводе) за девушкой ухаживал один хлопец, парубок Василий – жигит, бала, парень, короче, – но боялся Леночку и привёз на свидание друга Серёжу Кустова. Раз-другой... Лена разговаривала, так выходило, больше с Сергеем. И как-то он приехал один. Тут и сказке самое, что ни на есть начало. Ждала из армии, закончила учёбу, потом молодые люди поженились. Родители Сергея Кустова в Казахстане оказались по тому же поводу, что и Куди – целина. Перебрались они из Куйбышевской области, из Сызрани, и так же, как семья Елены Викторовны, осели на новом месте.

Годы прожитые, почитай более полужизни, в Казахстане Кустова вспоминает с теплом и ностальгией, даже зимние бураны, заметавшие дома по крышу. И будто не виделись, не замечались, не различались там разные национальности, вероисповедание – все свои. «Там жизнь, там могилы родителей, там душа», – чуть дрогнул голос Кустовой.

Ведь не поехали бы в Россию, если бы не события 90-х. Раскачал Запад национализм в Казахстане, как и во многих других бывших республиках СССР: на казахский перешли школы, заговорили по телевизору, в каких-то районах

притеснения русскоязычных пошло, а где-то оголтело и до крови доходило. История мира, история страны и глобальные переломные события вошли в маленькую семью, перемолов судьбы людей в своих безжалостных жерновах.

А в России, увы, семья оказалась в «понаехавших». Пришлось начинать с нуля не только быт, хозяйство, но и зарабатывать авторитет, уважение, делом, жизнью доказывать, что свои. Да, в глаза не говорили, но некоторые настороженность, прохладность в отношении болезненно чувствовались. Теперь всё позади, жизнь идёт в том русле, какое проложили.

Работать на новом месте Кустова также пошла в школу и, получив должность организатора, по-старому завуча по воспитательной работе, развернулась на всю катушку! Закипело: планы, сценарии, разучивание материала, декорации, перевоплощения и – ах, сцена...

Артистка

Это было, когда Лена училась в средних классах: в школу пригласили настоящую актрису. Кустова и сейчас помнит в деталях, как та выглядела: пожилая, но как с картинки, пышная прическа, в стекающем чёрном платье, длинном до полу, бархат которого играл отливами, на руке – браслет зелёного цвета, с шеи на грудь – бусы, в ушах – серьги в цвет.

Артистка читала стихи, да как! Интонации обнажали самую суть слов и проникали в глубины души, рисовали яркие образы, голос отражал многоголосие, будто говорили разные люди, паузы или усиления вызывали дрожь и полёт. Это был восторг! Завороженная Лена отчётливо поняла – это новый поворот в её жизни.

Она увлеклась литературой: Пушкин, Гоголь – библиотечная карточка пухла от записей о взятых и прочитанных книгах. Поэзия особенно поглотила девочку. Пока она ещё не понимала художественных тонкостей, не выделяла литературных приёмов, но наслаждение, которое испытывала от чтения, не отпускало её. Она стала знакомиться и с современными поэтами – Дементьевым, Асадовым, Рождественским, Щипахиной. Был интерес к Серебряному веку. От стихов Лена уходила в биографии: кто такое мог написать, как жил, какие события определяли взгляды на жизнь, темы, образ лирического героя?

Особенно потрясла судьба Цветаевой. В восторге от её лирики, чувствуя пластику стихов, их сухой надлом и пулевую убойную точность, Лена была поражена тектоническими разломами в её жизни: дворянка, таскала уголь и чёрными руками выводила гениальные строки...

Позже, когда в жизни Кустовой случится беда, вспомнятся переломные трагичные градусы в жизни любимых поэтов – ведь жили же, справлялись, находили пути и силы по ним идти. А пока...

А пока она захотела стать артисткой. Сцена в её жизни была всегда: участие в художественной самодеятельности приносило радость и упоение, просто теперь получило иную значимость, новое наполнение. И училась

декламировать стихи: поймать оттенки смысла и передать их, меняя тембр, словно музыкальные инструменты, а штрихи и сочность красок мазками голоса положить на холст воздуха. И эти уроки ей пригодятся после.

Учительство

Родители уговаривали выучиться в медицинском и стать врачом, сама мечтала о карьере артистки, учителя сватали в педагоги – последним многая лета! Но здесь сошлось многое: любовь к поэзии определила выбор специальности (русский язык и литература), и здесь же оставалась свобода творчества, пусть школьная, но всё-таки сцена.

Однажды Елена Викторовна повезла учеников в Ленинград (она организовывала и другие экскурсионные поездки: на карте её путешествий отмечены город-герой Волгоград, украинские Ковель, Ровно, Львов, золотые купола Золотого Кольца, и Алма-Ата, тогда – столица Казахстана). О-о, ликуй сердце, да! Но привезли они из города на Неве не только впечатления, но и материалы по Пушкину. И свой кабинет Елена Викторовна, судя по всему и с учётом мистики и конспирологии, рождённая под созвездием Пушкина, оформила с посвящением великому русскому поэту: цитаты, портреты самого Александра Сергеевича, его окружения и тому подобное.

Через двадцать лет, из России Кустова поедет в Казахстан, уже самостоятельное государство, на вечер встречи с выпускниками. Её сердце будет биться громче, чем стук колёс поезда, а взволнованная душа – нестись впереди локомотива. И там бывшую учительницу поселковой школы будет ждать сюрприз: встретит её кабинет литературы, тот самый, «пушкинский», с любовью оформленный самой Кустовой и трогательно сохранённый прежним коллективом в первозданном виде! Так выглядит счастье?!

«Я видела этот мир и знаю, что потеряла»...

Беда пришла, когда Елене Кустовой было чуть за пятьдесят, в 95-97-м – глаукома. Болезнь обрушилась не разом, забирала видимый мир постепенно, свет и четкость изображения теряли яркость. Высоченное глазное давление вызывало боль, как зубную, не только в органе зрения, но и в голове, делало жизнь невыносимой.

Врачи попросили беречь глаза. «Как?!» – восклицает с недоумением Елена Викторовна. И вправду – как? Она решила: будет жить как жила, по полной, а там – как случится, так случится. Но всё же пыталась лечить, делать профилактическую гимнастику.

Потом были и операции в клинике Ерошевского, и в больнице им. Калинина, ныне Середавина, но, увы, один глаз пришлось удалить. И – да, боли ушли, жить стало легче – хоть вздохнула, однако от слепоты это не спасло. И в итоге – инвалидность.

Случилось.

Подняться вопреки

- Мир распадается, ты распадаешься. Как жить? И надо ли?! Отчаяние. Навзрыд. – голос Елены Викторовны резонирует. – Я поставила на себе крест. Плакала и плакала, упала на кровать и ревела, как никогда в жизни. Но нельзя этому отчаянию и панике дать в тебе поселиться. Муж тогда сказал: «Я тебя не брошу. Я с тобой. У тебя есть дети, сёстры. И есть зачем жить». Я подумала: «Я всё умею: и готовить, и по хозяйству, остальное приложится».

И теперь шаг за шагом, мысль за мыслью надо было привыкать к новой реальности, осваивать и постигать её, приспосабливаться. Она понимала: при поддержке близких очень важно найти для себя стоящее занятие, которое наполнит будни содержанием и настроением так, чтобы захотелось проснуться и делать. Захотелось дышать. И ценить радость, которую это приносит.

Она справилась. И распадающийся на пиксели мир, рассыпавшуюся душу и настроение, саму судьбу она сплетала в новую тугую косу, красивую, длинную... Трудно было? Да. Срывалась? Да. И не только она – нервы сдавали и у мужа. Но наладить, настроиться всё-таки получилось.

Сергей принёс мешок шерсти (вспомним рукодельницу мать), нашла бабушкино веретено, прихваченное ещё в Белоруссии и – увлекло – вязала. «На улице сяду на лавочке – носок за три дня. И местные заказывали, раздаривала», – вспоминает Елена.

И здесь пригодились юношеское увлечение декламацией литературных произведений. Она оставила школу и ...вышла на сцену. Ну вот и артистка? Теперь и ролики снимает. В интернете их найти легко, а слушать – одно удовольствие. Пошла череда конкурсов, в которых Кустова участвовала и побеждала: «Салют Победы!», «Родная речь», который проводится уже 22 года под патронатом Владимира Гальченко, актёра Самарского академического театра драмы им. Горького, «Вместе со звёздами» и другие. А на фестивале песен «Голоса России» Елена пела на белорусском языке.

Кстати, Владимир Гальченко по итогам конкурса, первого тогда для Елены, очень тепло отозвался о её творчестве, поблагодарил за любовь к литературе, за художественное слово, которое она дарит людям. Гальченко, профессионал, известный актёр, большой мастер... Заслужить, услышать такое – огонь! Сама Вселенная у ног. Ах, как это поддержало и вдохновило Елену, кто бы знал! Да, и ещё одно потрясение после выступления... Подходит молодой человек и так галантно, аристократично («Где вы такое сегодня у молодых встретите?!» – восхищается Елена Викторовна) просит:

– Разрешите Вашу руку...

– Не поняла. Зачем?

Елена смутилась, насторожилась, путаясь в догадках. Но голос парня не вызывал опасений, более того, оттенки торжественности и благодарности наполняли интонации светом.

– Поцеловать. Я очарован.

Андрей. Андрей Гальченко. Сын актёра и ученик 41 школы, школы искусств, а сегодня – сам артист, которого публика уже знает по ролям в театре и телесериалам.

Такие вроде бы секундные, но солнечные события остаются с тобой на всю жизнь, расправляют крылья, дают новое дыхание. Да, так и есть.

«А ещё мне очень помогла Самарская областная библиотека для слепых. Мне позвонила директор, Валентина Викторовна Тюгашова, и пригласила к ним, – поделилась Елена. – Они и мероприятия проводят, помогли советами, как организовать своё время, дали книги. Теперь я сама всех агитирую, чтобы шли сюда».

Привыкшие к деревенскому укладу, Елена и Сергей живут в своём доме, из живности сейчас – только куры остались, а раньше были и коровы, и свиньи, и бараны, и гуси. Сергей управлялся не только с хозяйством, но и поддерживал Елену – здесь и терпения, и любви надо в два раза больше, не всякий выдюжит. Потому что на тебе – две жизни. Сергей – крепкий. Работал слесарем по топливной аппаратуре, потом в охране, сейчас на пенсии больше времени для рыбалки.

Сыновья, которые также, как и Сергей, были опорой матери, сейчас живут отдельно, но в родительском доме собираются часто, уже со своими семьями. Старший, Денис, живет в Самаре, работает в инкассации, средний – Александр (между прочим, в честь Пушкина назвали и отчество соответствующее – Сергеевич!) – мастер по установке кондиционеров, тоже самарчанин, а младший, Коля, обосновался в Москве, дизайнер. Двое старших – семейные, младший – «свободный художник», пока приглядывается, да весь в творческих проектах. Некстати и ни к слову, он, будучи совсем мелким, ещё в Казахстане, на казахском шпарил почём зря, чем приводил в умиление коренных жителей, снискал их особую любовь, сдобренную гостинцами.

Впрочем, как рассказывает Елена Викторовна, они все творческие с крепким техническим семейным замесом: от дедов-отцов руки к ремеслу привыкшие. На гитаре и спеть – пожалуйста, Коля ещё и рисует, и по технике с трудолюбием да живинкой. И радуется сердце матери, когда все собираются с внуками. Снох похвалила: «Хороши, – шепчет, как секрет, – и толковые, и по душам поговорить можно».

Дом Кустовых, как родных, друзей встречает и часто полон, шумен. Однако гулянья эти больше похожи на музыкально-литературные вечера, где и песни, и стихи, где душе легко, а уму пристойно. А хозяйка итогов не подводит, просто живёт на всю широту и долготу своей отнюдь не ленивой души.

Вместо эпилога

Так вышло, что в моей жизни были события, связанные с Колыванью, где живут Кустовы. По студенчеству я прожил там две-три недельки на фольклорной практике, собирая жемчужинки народного творчества по заданию АН СССР, позже гулял на свадьбе у друга. А теперь собираюсь туда на рыбалку. Елена и Сергей пригласили. Поеду. И повидаясь заодно с этим чудесным светлым человеком. Кстати, коса у неё – длинная, крепкая, красивая, как сплетённая своими руками, жизнь.

От преодоления к победам или принципы диалектики

*Снег идёт, снег идёт.
К белым звёздочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплёт.*

Почти вся его жизнь была преодолением и вознаградила не только победами, титулами, званиями, но и главное, одарила верой жить. Продолжать жить. Простая и мудрая диалектика. Прицеп, толкающий тягач: набери скорость – сразу не затормозишь. И он любил и ценил её, жизнь, такой, какая она у него была: трудная, но богатая на достижения, с безответными, болезненными вопросами и побеждённым отчаянием, но интересная в действии и свершениях. Тянулся к ней, как пастернаковские цветы к *снегу*, «за оконный переплёт» своего недуга.

Николай Михайлович ушел из жизни в ноябре 2023 года. А я смотрю на него, слушаю голос вдумываюсь в смысл слов, ловлю акценты (уже в пожилом возрасте он записал видеоролик со стихотворением Пастернака «Снег идёт»), внимательно всматриваюсь, и да, вижу, как он сам шел по жизни.

В маленьком городке, где событий не особенно много, и семейная новость – новость: у Мишки Худякова, шахтёра, сын родился! И студёный уральский декабрь – не помеха. А именно 5 декабря 1954 года новорожденного назвали Николаем. Гуляем!

Кизел, один из малых городов страны, жил обычной трудовой жизнью, а градообразующим предприятием были угольные шахты. Работа, дом, в выходные – клуб: кино или танцы. Или праздничный концерт своими силами, иногда заезжие артисты из Перми, а то и столички. А пацанве – лапта, салки, отмерной, речка, лес, да, конечно, войнушка: партизаны и фрицы под возгласы «Аусвайс! Шнель! Ахтунг! Партизанен! Русские не сдаются! Тра-та-та! Витёк, падай! Ты убит, фашист проклятый!». Ну и школа, само собой.

А когда случилась беда – дистрофия сетчатки глаза, когда на уроке и с первой парты толком ничего не видно, на маму смотрели глаза мальчишки в слезах: «Мама, что со мной? Я выздоровею?» Но мать и сама ревет днями и ночами. И нет ответа для сына, а от врачей – есть. Совсем неутешительный.

Снег идёт, и всё в смятеньи.

Всё пускается в полёт, –

Чёрной лестницы ступени,

Перекрёстка поворот.

И восьмой класс Коля заканчивает с помощью родителей, одноклассников, которые читают ему устные, и собственной памяти, запоминая то, что слышит от учителя. Тут у отца обнаруживают профессиональное заболевание, работу в шахте приходится оставить (а работать где в таком городке?!), и семья переезжает в Сызрань тогда Куйбышевской области.

Кстати, сегодня Кизел называют городом-призраком: шахты давно закрыты, и без того малочисленное население катастрофически уменьшается, некоторые дома прорастают лесняком и с выбитыми чёрными зёвами окон выглядят слепыми. Там, где осталось Колино детство, слепнет, умирает жизнь.

А Коля? А Николай решил продолжить учёбу. Он вовсю встраивался в новую жизнь, ухитрялся получить навыки бытовые, учебные: как же сделать так, чтоб получилось, чем воспользоваться, как изловчиться! И шёл. Он всегда был рукастый, мастеровитый и тут поступил в педагогическое училище, в группу по труду и черчению. Черчению?! Да, и черчению. Лупа в помощь. Ну и товарищи, конечно. Советские товарищи.

Именно здесь он познакомился с девушкой Вале́й, которая после выпуска станет его женой. И будет семья, рождение ребёнка, новые хлопоты, счастливые и светлые, хоть и не всегда лёгкие.

А потом было распределение: гарантированное советским государством трудоустройство молодых специалистов, иногда, правда, без выбора, но работа по определению для старта была уже в кармане. Выпал посёлок Новокашпирский, школа, трудовиком, то есть учителем труда.

Менялись предприятия, профессии, должности, но работа, как бы ни было трудно её освоить, наполняла жизнь содержанием: тот случай, когда обязанности нужны больше, чем права, а востребованность – важнее свободы выбора. Уволившись из поселковой школы, вернулся в Сызрань, вступил во Всероссийское общество слепых, устроился штамповщиком на Сызранское УПП ВОС, где проработал четыре года и стал директором.

Снег идёт, снег идёт,

Словно падают не хлопья,

А в заплатанном салопе

Сходит наземь небосвод.

И тут Николай решает получить высшее образование – исторический факультет Куйбышевского пединститута. Остаточное периферийное зрение давало слабенькую возможность, но не исключало. Ну и Брайль в помощь! И вот – студент. Экзамены на общих основаниях сдал, жена Валентина, наверное, и сама всё выучила, помогала, и годы учёбы осилил.

Учился Худяков, продолжая работать, и, пока писался диплом на пятом курсе, на производстве его назначают заместителем директора по социальным вопросам Сызранского филиала «Самараавтожгута». Вот некоторые жгут! Согласен, так себе каламбурчик. Но, признайтесь, как тут с уважением не подивиться?!

И опять школа. Коррекционная, в Сызрани, только теперь он преподавал историю. Но помимо уроков занимался с незрячими детьми, обучая системе Брайля.

Однако дом-работа-дом – не его, Николая Худякова, путь: драмкружок и конкурсы художественной самодеятельности общества слепых, библиотека, коньки и лыжи, чтобы жить, как дышать, а дышать полной грудью, чтобы душа – не в тесноте, а на просторах своего выбора, интересов, активности, настроя.

Словно с видом чудака,

С верхней лестничной площадки,

Крадучись, играя в прятки,

Сходит небо с чердака.

Среди многих прочих увлечений как-то появились шашки. Именно эта игра стала для него спортом и важным, успешным делом жизни. Началось всё с кружка при сызранском УПП. Освоил. Осваивал с мыслью, учась думать, просчитывать, запоминать комбинации. Пошли первые победы,

соревнования между предприятиями ВОС. Худякова заметили и пригласили в паралимпийскую сборную Сызрани. Это был новый этап, первый серьёзный шашечный старт, старт истории успеха.

Он выступал на областных спартакиадах инвалидов, на региональных турнирах и чемпионате «Волжские зори», в которых состязались сильные шашисты из Саратова и Волгограда, Рязани, Москвы и других городов страны. Были победы и проигрыши, которые подробно анализировались, были так нужны опыт и формирование особенного, «шашечного» мышления.

2010-й, 2013-й, 2014-й – золотые медали. Худяков – трёхкратный чемпион Самарской области. Но амбиции Николая только разожглись. И не на пустом месте, конечно, он чувствовал в себе силы, возможности, потенциал.

Потому что жизнь не ждёт.

Не оглянешься – и святки.

Только промежутки краткий,

Смотришь, там и Новый год.

И тут Господин Великий Случай... На одном из турниров он знакомится с Раифом Султановым, мастером спорта из Нижнего Тагила. Ах, эти профессиональные беседы, советы! Раиф подсказывает Николаю, делится секретами мастерства, даёт список книг, которые при определённом усердии поднимут уровень подготовки Худякова.

Николай заряжен. По возвращении он тут же спешит в библиотеку и заказывает нужную литературу. Это были брайлевские книги, получив которые, Худяков составляет два собственных сборника лучших партий и разбирает их по пылинкам, музыкально-математически. По пять часов в день он постигает искусство побеждать, и кто знает, что более важно для победы отличный материал или завидное упорство работы с ним!

Снег идёт густой-густой.

В том же темпе, с ленью той

Или с той же быстротой,

Может быть, проходит время?

Он идёт дальше (или глубже!) – осваивает компьютерную программу «Тоша», которая просчитывает игру на сорок ходов вперёд, и по скайпу играет с её разработчиком, ульяновцем Николаем Храмовым. А с 2013 года выходит на большую спортивную арену – чемпионаты России. А в 2015 году, в Ярославле, Худяков выполняет норматив кандидата в мастера спорта и входит в состав паралимпийской сборной России. На малой родине заслуги Николая не остаются незамеченными: он удостоивается именной стипендии губернатора Самарской области.

2021 год. Болгария. Чемпионат Европы. Худяков в составе сборной России. Наша команда становится второй, «серебряной» ... Мечты сбываются у тех, кто к ним идёт.

Воспитал сына и дочь. Сам – по рассказам товарищей, душа компании, на праздничных застольях – с юмором и, по случаю, историей, – да и хороший анекдот был у него наготове.

Может быть за годом год

Следуют, как снег идёт,

Или как слова в поэме?

«Однажды в спектакле по Ильфу и Петрову, – вспоминает Валентина Викторовна Тюгашова, директор областной библиотеки для слепых, – Николай Михайлович играл Остапа Бендера. Это нужно было видеть! Он так прочувствовал характер персонажа, самые его тонкие особенности, психологию, мировоззрение, так вжился в роль, что виделся именно Остап Бендер. Тот случай, когда Станиславский бы воскликнул: «Верю!» Всё, от поворота головы до взгляда, от осанки до паузы между репликами, узнаваемо принадлежало Великому комбинатору. Худяков поймал образ, попал в самую точку. Он яркий был, заметный. А когда ушёл – пусто как-то стало, утратилось что-то вокруг».

Снег идёт, снег идёт,

Снег идёт, и всё в смятеньи:

Убелённый пешеход,

Удивлённые растенья,

Перекрёстка поворот.